

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

ЗК 23

Л 45
Р 124608

Речи тов. ЛЕНИНА

на X-м Всероссийском Съезде

Р. К. П.

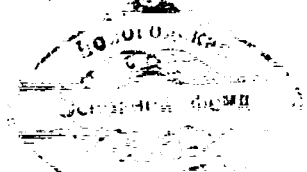
124608

КНИГА
В СОХРАННОСТИ

Речь тов. Ленина при открытии X-го Съезда

Р. К. П.

Товарищи, позвольте объявить открытым X-й съезд Российской Коммунистической Партии. Товарищи, мы пережили год, очень богатый событиями и в международной и в нашей внутренней истории. Чтобы начать с международного положения, я должен сказать, что мы впервые собираемся теперь в таких условиях, когда Коммунистический Интернационал перестал быть только лозунгом, а превратился действительно в могучее организационное строение, имеющее свой фундамент, настоящий фундамент в крупнейших передовых капиталистических странах. То, что на II-м съезде Коминтерна за истекший год удалось осуществить, нашло себе выражение, подтверждение, закрепление в таких странах, как Германия, Франция, Италия. Достаточно назвать эти три страны, чтобы вы видели, что во всех передовых крупнейших европейских странах Коммунистический Интернационал стал после II-го съезда прошлым летом в Москве делом рабочего движения в каждой из этих стран, и мало того, стал основным фактором международной политики. Это такое гигантское завоевание, товарищи, что как бы ни были трудны и тяжелы различные испытания, нам предстоящие, этих завоеваний у нас не в силах взять назад никто. И так, товарищи, мы первый раз собираемся на съезд при таких условиях, когда вражеских войск, поддерживаемых капиталистами и империалистами всего мира, на территории Советской Республики нет. В первый раз благодаря победам Красной армии за этот год, мы открываем партийный съезд при этих условиях. Конечно, мы далеко еще не завоевали этим того, что мы завоевать должны—действительного освобождения от нашествий и вмешательств империалистов. Наоборот, их военные действия против нас приняли форму менее военную, но в некоторых отношениях более тяжелую и более опасную для нас. Переход от войны к миру, тот переход, который мы на прошлом съезде партии уже приветствовали, он еще и сейчас не завершен. И сейчас еще стоят перед нашей партией задачи невероятной трудности которые касаются не только хозяйствен. плана, в чем мы сделали не мало ошибок, но и основ самих отношений между

классами, которые в нашем обществе, в нашей Советской республике остались. Самое отношение между классами подверглось изменению и вопрос этот должен быть, я думаю вы с этим согласитесь, одним из главных вопросов, которые вам предстоит здесь разобрать и разрешить. Товарищи, мы в этом отношении пережили год исключительный, мы позволили себе роскошь дискуссий и споров внутри нашей партии. Для партии, которая окружена врагами, могущественнейшими и сильнейшими врагами, объединяющими весь капиталистический мир, для партии, которая несет на себе неслыханное бремя, эта роскошь была поистине удивительна.

Я не знаю, как вы это оцените, теперь это от вас зависит: впадне ли соответствовала эта роскошь нашим богатствам и материальным и духовным. Но, во всяком случае, я должен сказать одно, что мы на этом съезде должны здесь поставить своим лозунгом, своей главной целью и задачей, которую мы во что бы то ни стало должны разрешить, чтобы из дискуссий и споров выйти более крепким, чем мы их начали (аплодисменты). Вы, товарищи, не можете не знать, что наши враги, а имя им легион, во всех своих бесчисленных заграничных органах повторяют и развивают ту же стоустую и тысячеустую молву, которую наши буржуазные и мелко буржуазные враги распространяют здесь внутри Советской Республики. А именно, если дискуссия—значит споры, если споры—значит раздоры, если раздоры—значит коммунисты ослабели, то напирай, лови момент, пользуйся их ослаблением. Это сделалось лозунгом нам враждебного мира. Мы этого ни на секунду не должны забывать. Наша задача теперь показать, что как бы правильно, или не правильно, мы себе в прошлом эту роскошь позволяли, но из нее надо выйти. Из чрезвычайного обилия платформ, оттенков, отточков, почти что отточков, формулированных, продискуссированных, мы, на нашем партийном съезде, надлежащим образом просмотрев их, сказали себе, что во всяком случае, как бы мы ни расхотелись, как бы мы между собой ни спорили, а перед нами столько врагов, задача диктатуры пролетариата в крестьянской стране так необъятна, трудна, что нам мало, чтобы только формально работа была более сплоченной, более дружной, чем прежде. Чтобы не было ни малейших следов фракционности, где бы и как бы она ни проявлялась до сих пор, чтобы ни в коем случае их не осудилось. Только при этом условии мы те громадные задачи, которые лежат на нас, выполним, и я уверен, что я выражу намерение всех вас и твердое ваше решение, если скажу, что с еще более прочным, еще более дружным и искренним партийным единством, мы должны выйти, с настоящего съезда во всяком случае (аплодисменты). Товарищи, позвольте предложить вам приступить к выборам президиума съезда

Речь тов. Ленина по докладу о работе Ц. И. К. Рос. Ком. Партии.

Узловые пункты нашей работы.

Товарищи, вопрос о политической работе Ц. К., как вы, конечно, знаете, так тесно сплетается и со всей работой партии, и со всей работой советских учреждений, и со всем ходом революции, что об отчете в точном, в буквальном смысле слова, на мой, по крайней мере, взгляд, не может быть и речи. И я свою задачу понимаю так, чтобы постараться выделить некоторые из важнейших событий—то, что, на мой взгляд, представляет из себя как бы узловые пункты нашей работы и советской политики за этот год, то, что всего характернее из пережитого и что дает больше всего материала для размышления о причинах хода революции, о значении сделанных ошибок,—а их сделано немало,—и об уроках на будущее время. Ибо как ни естественна задача дать отчет за прошлый год, как ни обязательна она для Ц. К. как она ни интересна для партии сама по себе,—задачи борьбы предстоящей и развертывающейся перед нами так неотложны, тяжелы, трудны, так давят всей своей тяжестью на нас, что все внимание невольно устремляется именно на то, как из пережитого сделать надлежащие выводы и как лучше разрешать захватывающие все наше внимание задачи настоящего и ближайшего времени.

Переход от войны к миру.

Из тех узловых пунктов нашей работы, которые за этот год больше всего обращают на себя внимание и с которыми связано, на мой взгляд, больше всего наших ошибок, первым является переход от войны к миру. Вероятно, все вы, или, по крайней мере большинство из вас, помните, что мы этот переход делали уже несколько раз за три с половиной года и ни разу его не совершили, и сейчас, видимо, его не перейдем, потому что слишком глубокие жизненные интересы международного капитализма связаны с тем, чтобы этот переход не допустить. Я помню еще в апреле 18-го г., т. е. три года тому назад, мне пришлось перед В. Ц. И. К. говорить о задачах, которые тогда формулировались так, что главное в войне гражданской окончено, тогда как в действительности она только начиналась. Вы все помните, что на предыдущем партийном съезде мы все свои расчеты строили на этом переходе к мирному строительству, полагая, что огромные уступки, которые мы в то

время делали Польше, обеспечат нам мир. Но в том же апреле началось наступление польской буржуазии, которая вместе с империалистами капиталистических стран истолковали наше миролюбие, как нашу слабость, за что жестоко и поплатились, получив мир более невыгодный. Но мы переходя к мирному строительству не получили, и нам вновь пришлось главное внимание обращать на войну с Польшей и впоследствии на ликвидацию Врангеля. Вот что составило содержание нашей работы за отчетный год. Опять вся наша работа подвинулась к военным задачам.

Затем начался переход от войны к миру, когда нам удалось добиться, что ни одного солдата вражеских армий на территории Р. С. Ф. С. Р. не осталось. Этот переход потребовал таких потрясений, которые далеко и далеко не были нами учтены. Несомненно, здесь одна из главных причин тех ошибок, неправильностей, которые мы в нашей политике за это отчетное время сделали и от которых мы сейчас страдаем.

Трудности демобилизации.

Демобилизация армии, которую пришлось проводить в стране, вынесшей неслыханные тяжести и напряжение, при которых одна перевозка демобилизованных при наших транспортных средствах стоила невероятных трудностей, да когда к этому еще прибавились голод, вызванный неурожаем, и недостаток топлива, в значительной степени приостановивший транспорт,—эта демобилизация поставила нас, как мы теперь видим, перед задачами, далеко и далеко не оцененными. Здесь в значительной степени кроется целый ряд источников кризисов хозяйственного, и социального, и политического. Еще в конце прошлого года мне приходилось указывать, что одной из главных трудностей предстоящей весны будут трудности, связанные с демобилизацией армии. Мне приходилось указывать на это и 30-го декабря, на большой дискуссии, в которой, вероятно, многие из вас были участниками. Я должен сказать, что размер этих трудностей мы тогда едва ли себе представляли, мы не видели тогда еще, до какой степени здесь будут не только технические трудности, но до какой степени все бедствия, обрушившиеся на страну, — до какой степени окажутся они при демобилизации. Страна несколько лет напрягалась исключительно для военных задач, поддерживала эти задачи всем, не желала ничего из последних своих остатков, и только по окончании войны мы увидели всю ту степень разорения и нищеты, которые на долго осуждают нас на простое только излечение этих ран. Технические трудности демобилизации армии в значительной степени показывают всю глубину разорения, из которой вытекает, помимо прочего, неизбежный ряд кризисов экономического и социального характера.

Несомненно, ошибкой Ц. К. было то, что размер этих трудностей демобилизации не был учтен; конечно, надо сказать, что для этого учета спорных пунктов быть не могло, ибо гражданская война была так трудна, что тут единственным правилом было „все для победы на фронте гражданской войны“, и только. При соблюдении этого правила и при неслыханном напряжении сил, которое Красная армия в борьбе с Колчаком, Юденичем и др. проявила, мы только и могли достигнуть победы над вторгавшимися в Россию империалистами.

Ошибка в учете.

От этого основного обстоятельства, определяющего целый ряд ошибок и обостряющего кризис, я хотел бы перейти к тому, что в работе партии обнаружился целый ряд более или менее глубоких несоответствий, неправильностей учета или плана. Обратимся к итогам пережитого, к таким разнородным явлениям, как ход нашей польской войны, вопросы продовольствия и топлива.

При нашем наступлении в польскую войну, слишком быстрым продвижении почти до Варшавы—несомненно, была сделана ошибка, я сейчас не буду разбирать, была ли это ошибка стратегическая или политическая, ибо это завело бы меня слишком далеко. Я думаю, что это должно составлять дело будущих историков, а тем людям, которым приходится в трудной борьбе отбиваться от всех врагов, не до того, чтобы заниматься историческими изысканиями. Но во всяком случае ошибка налицо, и эта ошибка вызвана тем, что перевес наших сил был переоценен нами. Насколько этот перевес сил зависел от экономических условий, насколько он зависел от того, что Польская война пробудила патриотические чувства даже среди мелкобуржуазных элементов, вовсе не сочувствующих коммунизму, не поддерживающих ее,—разбираться в этом было бы слишком сложно. Но это факт. Итак, в Польской войне мы совершили известную ошибку.

А если возьмем такую область работы, как работа продовольственной, то мы видим аналогичную ошибку. В отношении разверстки и ее сбора отчетный год был несравненно благоприятнее предыдущего. В этом году сумма собранного хлеба подходит к 250 мил. пудов. К 1 февраля считалось собранным 235 мил. пудов, тогда как за весь прошлый год было собрано 210, значит, за гораздо меньшую часть года сбор превысил полностью предыдущий год. И оказалось, однако, что из этих 235 мил. собранных по 1 февраля, мы израсходовали в первое полугодие около 155 мил., т.-е. в среднем по 25 мил. пудов в месяц или даже больше. В общем надо признать, что мы не сумели правильно распределить наши ресурсы прошлого года. Мы не сумели правильно оценить всей опас-

ности надвигающегося на весну кризиса и поддались естественному стремлению увеличить выдачу голодающим рабочим.

Но надо сказать и здесь, что опорного пункта для расчетов у нас не было. Во всех капиталистических государствах, несмотря на анархию, несмотря на хаос, свойственный капитализму, опорным пунктом для расчетного хозяйственного плана, является опыт десятилетий, опыт, который могут сравнить капиталистические государства, однородные по своему экономическому строю и отличающиеся в частности. Из этого сравнения может быть выведен действительно научный закон, известная закономерность и правильность. У нас ничего подобного для такого подсчета не было и быть не может, и совершенно естественно, что, когда представилась возможность по окончании войны дать, наконец, изголодавшемуся населению побольше, то мы сразу не смогли установить должной меры. Ясно, что мы должны были бы умерить увеличение выдачи и на счет этого умерения создать известный резервный фонд на черный день, который должен был наступить весной, и который наступил. Этого мы не сделали. Тут ошибка, и ошибка такого рода, которая свойственна была всей нашей работе, ошибка которая показывает, что переход от войны к миру представил нам целый ряд таких задач и трудностей, для преодоления которых ни опыта, ни подготовки, ни нужного материала не было. И таким образом, получилось чрезвычайное усиление, обострение и ухудшение кризиса.

Нечто аналогичное несомненно было и с топливом. Это основной вопрос хозяйственного строительства. Весь переход от войны к миру, весь переход к хозяйственному строительству, о чем говорилось на предыдущем съезде партии и что составляло главную заботу всей политики за отчетный год,—все это конечно, не могло не базироваться, не основываться на учете добычи топлива и его правильном распределении. Без этого ни о преодолении трудностей, ни о восстановлении промышленности не может быть и речи. Что мы в этом отношении находимся в лучших условиях, чем в прошлом году, это ясно. Прежде мы были отрезаны от угольного и нефтяного районов. После побед Красной армии мы уголь и нефть получили. Во всяком случае размер топливных ресурсов был увеличен. Мы знаем, что те топливные ресурсы, с которыми мы в отчетный год входили, были больше, чем прежде. И на этой почве увеличения наших топливных ресурсов мы сделали ошибку, пустивши сразу топливо в такое широкое развертывание, которое исчерпало эти топливные ресурсы, и мы очутились перед топливным кризисом раньше, чем перевели все на правильную работу.

По всем этим вопросам здесь вам будут сделаны специальные доклады, и я здесь не могу представить вам тех данных, которые имеются по этому вопросу. Но во всяком случае, учитывая опыт прошлого, мы должны сказать, что ошибка эта связана с непра-

вильным представлением о положении вещей и с быстротой перехода от войны к миру. Оказалось, что этот переход возможен гораздо медленнее, чем мы себе представляли. Нужна гораздо более длительная подготовка, более медленный темп,—вот урок, который мы за этот год пережили, урок, который партии в целом надо будет сугубо и сугубо усвоить, чтобы определить наши основные задачи на будущий год и чтобы этих ошибок в дальнейшем избежать.

Нёсомненно, при этом надо сказать, что обострились эти ошибки и особенно обострились вытекающие из них кризисы в силу неурожая. Если я указал на то, что продовольственная работа дала нам за отчетный год несравненно лучшие продовольственные ресурсы, то надо сказать, что в этом тоже лежал один из главных источников кризисов, потому что в силу неурожая, повлекшего громадную бескормицу, падеж скота и разорение крестьянского хозяйства, центр этих продовольственных разверсток сосредоточен был в тех местностях, где излишки хлеба не были очень велики. Эти излишки гораздо больше в различных окраинных республиках—в Сибири, на Северном Кавказе,—но именно там всего меньше был налажен советский аппарат, именно там советская власть была менее устойчива и отсюда был очень затруднен транспорт. Получилось так, что увеличенные продовольственные ресурсы мы собрали из наименее урожайных губерний, и этим кризис крестьянского хозяйства чрезвычайно обострился.

Опять-таки здесь мы ясно видим, что у нас не было надлежащей правильности, в учете. Но, с другой стороны, мы были в таком стесненном положении, у нас не было никакого выбора. Страна, выдержавшая после раззорительной империалистической войны такую штуку, как многолетняя гражданская война, конечно не могла существовать иначе, как отдавая все свои силы на фронт, не могла иначе поступать, как брать продовольственные излишки с крестьянства, хотя бы даже не возмещая никакими другими средствами. Это необходимо было, чтобы спасти страну, армию и рабоче-крестьянскую власть. Мы говорили крестьянам: „конечно, вы дадите свой хлеб в ссуду рабоче-крестьянскому государству, но иначе вы спасти свое государство от помещиков и капиталистов не можете“. Мы не могли поступать иначе в тех условиях, которые нам навязывали империалисты и капиталисты своей войной. Но эти обстоятельства привели нас к тому, что крестьянское хозяйство после продолжавшейся так долго войны, так ослабело, что неурожай оказался и на почве понижения засева, и ухудшения средств производства и понижения урожайности, рабочей силы и т. д. Неурожай оказался спутником, такого обострения кризиса, который может быть готовит нам еще большие трудности и бедствия в предстоящие месяцы. Это обстоятельство надо внимательно учесть при анализе того, что

мы за отчетный год в политике пережили и какие политические задачи мы должны поставить себе на новый год. Отчетный год оставил следующему году все те же неотложные задачи.

Я перейду теперь к другому пункту, совершенно из иной области—к дискуссии о профсоюзах, которая отняла у партии так много времени. На мой взгляд, эта роскошь была действительно совершенно непозволительной, и что, допустив такую дискуссию мы несомненно сделали ошибку. Мы в этой дискуссии выпятили на первое место вопрос, который по объективным условиям не может стоять на первом месте, и пустились роскошествовать, не видя того, до какой степени мы отвлекаем внимание от насущного и грозного, лежащего так близко перед нами вопроса о том же самом кризисе.

Каковы же действительные результаты этой дискуссии, отнявшей так много месяцев и едва не надоевшей большинству из присутствующих? Об этом вы будете иметь специальные доклады, но мне хотелось бы обратить внимание в своем отчете на одну сторону дела, именно на то, что тут оправдались, несомненно, одна пословица: „Нет худа без добра“, к сожалению, худа оказалось немного, а добра немного мало. (Смех). Но добро все же было: оно состояло в том, что, потеряв время, отвлекши внимание наших партийных товарищей от насущных задач борьбы с той мелкобуржуазной стихией, которая нас окружает, мы все-таки научились распознавать некоторые взаимоотношения, которых мы раньше не видели. Хотя мы все знали, что, как правящая партия, мы не могли не сливаться с верхами партийными—верхи советские; они у нас слиты и будут таковыми,—но партия получила в этой дискуссии известный урок, который необходимо учесть. За одни платформы голосовали по преимуществу верхи партии. Платформы, которые назывались иногда „платформами рабочей оппозиции“, иногда как-нибудь иначе, оказались представляли явно-синдикалистский уклон. И это не мое личное мнение, а мнение громадного большинства присутствующих. (Голоса: „правильно“).

Партия показала себя в этой дискуссии настолько зрелой, что, видя некоторое шатание верхов, видя, что верхи говорят: „Мы не сошлись, разберите нас“,—она мобилизовалась для этой задачи быстро и громаднейшее большинство партийных центров быстро отвечало нам: „Мы имеем мнение, и мы его вам скажем“.

В этой дискуссии мы получили ряд платформ. Их было так много, что я, например, хотя по должности и обязан был их читать. боюсь, что погрешил, и не все их прочел. (Смех). Я не знаю, все ли присутствующие были так свободны, чтобы их читать, но, во всяком случае надо сказать, что этот синдикалистский и, до известной степени, даже полуанархический уклон, который обнаружился, дает много материала, чтобы подумать над этим. Мы на несколько месяцев оказались такими роскошествователями, что увле-

кались изучением оттенков мнений. Между тем, обостряла экономический кризис. Эта дискуссия должна была помочь нам понять, что наша партия, как партия, перевалившая за полмиллиона членов, стала массовой партией, — во-первых, и партией правительственной — во-вторых, и что, будучи партией массовой, она отражает частью кое-что такое, что происходит вне ее рядов. Это очень и очень важно понять. Не страшен был-бы небольшой синдикалистский или полуанархический уклон, — партия быстро и решительно его осознала бы и взялась бы его исправлять. Но если он связан с гигантским преобладанием в стране крестьянства, тогда не время спорить о теоретических уклонах. И мы должны на съезде прямо сказать: „Споры об уклонах мы не допустим, мы должны поставить точку в этом отношении. И это сделать может и должен партийный съезд. Он должен из этого извлечь надлежащий урок, и политический отчет Ц. К. должен добавить его, закрепить и превратить в обязательство для партии, в закон.

Обстановка спора становится в величайшей степени опасной. Некоторые товарищи, с которыми мне приходилось встречаться и спорить на дискуссии, когда я несколько месяцев тому назад говорил: „Смотрите, тут есть угроза господству рабочего класса и диктатуре рабочего класса“ — говорили: „Это способ запугивания, Ленин нас терроризирует“. Я несколько раз должен был выслушивать эту приклею к своим замечаниям, что я кого-то терроризирую, и я отвечал на это, что было бы смешно с моей стороны терроризовать старых революционеров, видевших всяческие испытания. Но когда вы теперь видите во что развертываться трудности положения то уже не может быть спора о том, что тут не было не только терроризования, а даже неизбежного в споре увлечения, а было совершенно точное указание на то, что наступило, что нам нужна сплоченность, выдержка и дисциплина — не только потому, что без этого пролетарская партия не может дружно работать, но потому, что весна принесла и принесет еще такие трудные условия, в которых действовать без максимальной сплоченности мы не можем. Эти два главных урока, я думаю, мы все-таки из дискуссии извлечь сумеем. И поэтому, мне кажется, нужно сказать, что, если мы пороскошествовали и дали миру удивительный образец того, как партия, поставленная в труднейшие условия отчаянной борьбы, проявляет неслыханное внимание к деталям выяснения отдельных подробностей платформ что мы все же сделали из этого политический вывод, не только вывод, указывающий на ту или иную ошибку, но и вывод политический, касающийся отношения между классами, между рабочим классом и крестьянством, при условии неурожая и кризиса, при условии разорения и демобилизации, в которых мы оказались. Отношения не те, что мы думали. Отношения эти требуют от пролетариата неизмеримо большей

сплоченности и сосредоточения сил, отношения эти представляют при диктатуре пролетариата опасность, во много раз превышающую всех Деникиных, Колчаков и Юденичей, сложенных вместе. На этот счет не должно быть ни у кого заблуждения, ибо оно было бы самым роковым. Трудности, проистекающие от этой мелкобуржуазной стихии, большие, и чтобы их преодолеть, нужна большая сплоченность, и не только формальная, а нужна единая, дружная работа, единая воля, ибо только с такой волей может пролетариат в крестьянской стране осуществить гигантские задачи своей диктатуры.

Помощь из западно-европейских стран идет. Она не приходит так быстро, как мы этого хотели бы но она идет и возрастает. На утреннем заседании я уже указал, что одним из крупнейших факторов за отчетный период—это тоже стоит в тесной связи с деятельностью Ц. К.—является организация второго съезда Коминтерна. Конечно, международная революция теперь, по сравнению с прошлым годом, сделала большой шаг вперед, конечно, Коммунистический Интернационал, который во время прошлогоднего съезда не существовал иначе, как в форме прокламаций, стал существовать теперь, как самостоятельная партия в каждой стране, и не только, как передовая партия, но коммунизм стал центральным вопросом всего рабочего движения в целом. В Германии Франции и Италии Коммунистический Интернационал стал не только центром рабочего движения, но центром внимания всей политической жизни этих стран. Нельзя было осенью взять в руки немецкую, или французскую газету без того, чтобы не видеть, как там склоняют Москву и большевиков, какими прилагательными нас награждают и как делают из большевиков и 21 условия приема в III Интернационал, центральный вопрос всей их собственной политической жизни. Это наше завоевание, и этого никто не может отнять. Международная революция нарастает, и параллельно экономический кризис в Европе обостряется. Но во всяком случае, если бы мы из этого сделали предположение, что вообще в короткий срок помощь придет оттуда в виде прочной, пролетарской революции, то мы просто были бы сумашедшими. и в этом зале, я уверен, таких людей нет. Мы научились за три года понимать, что ставка на международную революцию не значит—расчет на определенный срок, и что темп развития, становящийся все более быстрым, может принести к весне революцию, а может и не принести.

И поэтому мы должны уметь так сообразовать свою деятельность с классовыми соотношениями внутри нашей страны и других стран, чтобы мы длительно время были бы в состоянии диктатуру пролетариата удержать и хотя бы постепенно, излечивать все те беды и кризисы, которые на нас обрушиваются. Только такая постановка вопроса будет правильная и трезвая.

Теперь я перейду к одному пункту который касается деятельности Ц. К. за текущий год и подходит близко к задачам стоящим перед нами. Это вопрос о сношениях с заграницей.

До IX съезда партии наше внимание и все наши усилия были направлены на то, чтобы добиться перехода от отношения войны к капиталистическими странами к отношениям мирным и торговым. Мы предприняли для этого всякого рода дипломатические шаги, и оказались победителями против несомненно крупных дипломатов. Когда например, представители Америки или представители Лиги Наций, предлагали нам на известных условиях прекращение военных действий против Деникина, Колчака, они думали, что мы попадем в трудные условия. На самом деле, они оказались в трудных условиях, а мы дипломатически одержали громадную победу. Они оказались одураченными, вынужденными взять обратно свои условия, что потом было разоблачено во всей дипломатической литературе и прессе всего мира. Но удовлетворяться дипломатической победой для нас слишком мало. Нам нужны настоящие торговые сношения, а не только дипломатические победы. Но только за этот год дело стало подходить к тому, что торговые сношения начали несколько развиваться. Стал вопрос о торговых сношениях с Англией.

Польская война отбросила нас надолго в этом отношении назад. Англия уже готова была подписать торговое соглашение. Английская буржуазия хотела этого соглашения, английские придворные круги его не желали, срывали. Польская война оттянула соглашение. Получилось так, что дело не решено до сих пор.

В связи с этим стоит вопрос о концессиях. За истекший год мы занимались этим вопросом больше, чем прежде. 23 ноября вышел декрет Совета Народных Комиссаров, который изложил вопрос о концессиях в форме, наиболее приемлемой для заграничных капиталистов. Когда в партийных кругах возникли некоторые недоразумения по этому вопросу, или неполное понимание его, был проведен ряд собраний ответственных работников, на которых этот вопрос дискуссировался. В общем и целом он не вызвал разногласий, хотя протестов со стороны рабочих и крестьян мы слышали не мало. Говорили так: „Прогнали, мол, своих капиталистов, а теперь хотят призвать капиталистов иностранных“. Насколько эти иронии были бессознательны, насколько тут звучал расчет кулацкой или прямо капиталистической части беспартийных которые считают, что им принадлежит законное право быть в России капиталистами, и при том капиталистами с властью, а не так, чтобы иностранный капитал был привлечен без власти—насколько то или другое играло здесь роль, на этот счет в Ц. К. никаких статистических данных, конечно, не имелось, да и вообще вряд ли какая либо статистика в мире могла бы это учесть и выяснить. Но мы во вся-

ком случае с этим декретом делали шаг к тому, чтобы завязать концессионные сношения. Ц. К. в своем большинстве стоя на точке зрения необходимости этих концессий, и эту то точку зрения мы будем просить вас подкрепить своим авторитетом. Это необходимо для нас, вследствие того, что своими силами восстановить разрушенное хозяйство, без оборудования и технической помощи из-за границы, мы не сможем. Простой привоз этого оборудования недостаточен. Можно сдать концессии на более широких началах, чтобы обезопасить себя постановкой оборудования по последнему слову техники. Таким образом, мы сможем хотя немного догнать—хотя на четверть, на половину—современные передовые синдикаты других стран. Что мы без этого будем находится в очень тяжелом положении и без напряжения всех наших сил их не нагоним,—в этом не может сомневаться никто, кто сколько нибудь трезво смотрит на настоящее положение. Переговоры с некоторыми из величайших всемирных трестов уже начаты. Разумеется с их стороны это не простая услуга нам: они делают это ради необъятных барышей. Современный капитализм—это не прежний капитализм эпохи нормального времени: он берет сотни процентов прибыли, пользуясь монопольным положением на мировом рынке. Конечно нам обойдется очень дорого такая вещь. Но подтянуть свою технику нам необходимо.

1-го февраля 1921 года Совнарком принял решение о закупке за границей 18.500.000 пудов угля, так как тогда уже обрисовался наш топливный кризис. Нам придется идти еще на большие уступки для закупки предметов потребления для крестьян.

Теперь я хочу остановиться на событиях в Кронштадте. Я не имею еще последних новостей из Кронштадта, но не сомневаюсь, что это возстание, быстро выявившее нам знакомую фигуру белогвардейских генералов, будет ликвидировано в ближайшие дни. В этом сомнения быть не может. Но нам необходимо взвесить обстоятельно политические и экономические уроки этого события.

Что оно означает? Переход политической власти от большевиков к какому то неопределенному конгломерату или союзу разношерстных элементов, как-будто бы немножко только правее большевиков, а может быть даже и левее большевиков,—настолько неопределена та сумма политических группировок, которая в Кронштадте пыталась взять власть в свои руки. Несомненно, что в то же время белые генералы,—вы все это знаете,—играли тут большую роль. Это вполне доказано. За две недели до кронштадских событий в парижских газетах уже печаталось, что в Кронштадте восстание. Совершенно ясно, что тут работа эсеров и заграничных белогвардейцев, и что вместе с тем, движение это свелось к мелко-буржуазной анархической стихии. Это уже нечто новое. Это обстоятельство, поставленное в связи со всеми кризисами, надо очень

внимательно политически учесть и очень обстоятельно разобрать. Тут проявилась стихия мелко-буржуазная, демократическая с лозунгами свободной торговли и направлённая против диктатуры пролетариата. Но беспартийные элементы служили здесь только подножкой, ступенькой, мостиком, по которому явились белогвардейцы. Это неизбежно политически. Мы видели мелко-буржуазные, анархические элементы в русской революции, мы с ними боролись десятки лет. С февраля 1917 года мы видели эти мелко-буржуазные элементы в действии во время „великой революции“, и мы видели попытки мелко-буржуазных партий заявить, что они в своей программе мало расходятся с большевиками, но только осуществляют ее другими методами. Мы знаем из опыта не только Октябрьского переворота, но и из опыта различных окраин, входивших в состав прежней Российской Империи, где на смену Советской власти приходили представители другой власти. Вспомним демократический комитет в Самаре. Все они приходили с лозунгами равенства, свободы, учредилки, и они не один раз, а много раз оказывались простой ступенькой, мостиком для перехода к белогвардейской власти. Опыт всей Европы показывает на деле, чем оканчивается попытка сесть между двух стульев. Мы должны внимательно присмотреться к этой мелко-буржуазной контр-революции, которая выдвигает лозунги свободы торговли.

Мы должны понять, что в условиях кризиса крестьянского хозяйства мы не можем существовать иначе, как апеллируя к этому крестьянскому хозяйству, для помощи городу и деревне. Мы должны помнить, что буржуазия старается восстановить крестьянство против рабочих, старается восстановить против нас и мелко-буржуазную анархическую этихию в среде самих рабочих. Тут политические затруднения на лицо, и они требуют от правительственной партии коммунистов, от руководящих революционных элементов пролетариата, несомненно, не такого отношения, которое сплошь и рядом нами за этот год было показано. Эти затруднения требуют, несомненно, большей сплоченности, несомненно, большей дисциплины, несомненно, более дружной работы. Без этого невозможно справиться с этими затруднениями.

А дальше стоят вопросы экономические. Что значит этот лозунг свободы торговли, выдвигаемый мелко-буржуазной стихией? Он показывает, что в отношениях пролетариата и мелких земледельцев есть такие трудные проблемы, есть такие задачи, которых мы еще не решили. Я говорю об отношениях победоносного пролетариата к мелким хозяевам, когда пролетарская революция развертывается в стране, где пролетариат в меньшинстве, где большинство — мелко-буржуазное. Роль пролетариата в такой стране заключается в руководстве переходом этих мелких хозяев к обобществленному, коллективному общинному труду. Это теоретически

несомненно. Этого перехода мы коснулись в целом ряде законодательных актов, но мы знаем, что дело не в законодательных актах, а в практическом осуществлении, и мы знаем, что это можно обеспечить лишь, имея сильнейшую крупную промышленность, способную дать мелкому производителю такие блага, что он увидит на практике преимущества этого крупного хозяйства.

Так теоретически ставили всегда вопрос марксисты и все социалисты, размышлявшие о социальной революции и ее задачах. А у нас именно первая особенность, России, свойственная в максимальной степени,—та, что мы имеем не только меньшинство, но и значительное меньшинство пролетариата и огромное большинство крестьянства. А условия, в которых нам пришлось защищать революцию, сделали то, что разрешение наших задач оказалось неслыханно трудным. Показать все преимущества крупного производства на практике мы не могли, ибо это крупное производство разрушено, ибо ему самому приходится вести самое жалкое существование и восстановить его можно только путем возложения жертв на этих же самых мелких земледельцев. Нужно поднятие промышленности, а для этого нужно топливо, а раз нужно топливо, нужно рассчитывать на дрова, а рассчитывать на дрова, значит рассчитывать на крестьянина и его лошадь. В условиях кризиса, бескормицы и падежа скота крестьянин должен оказывать кредит Советской власти во имя той крупной промышленности, от которой он пока ничего не получает. Вот та экономическая обстановка, которая создает громадные трудности и заставляет вникнуть в условия перехода от войны к миру с более глубокой точки зрения. Мы не можем хозяйничать во время войны иначе, как говоря крестьянам: „Необходимо дать ссуду рабоче-крестьянскому государству для того, чтобы оно могло выйти из тяжелого положения“. Когда мы все внимание направляем на восстановление хозяйства, мы должны знать, что перед нами мелкий земледелец, мелкий хозяин, мелкий производитель, работающий на товарный оборот до полной победы крупного производства, до его восстановления, а это восстановление невозможно на старой базе. Это дело многих лет, не меньше, чем десятилетия, а при разоренности нашей, вероятно, и больше. До тех пор, долгие годы, мы с этим мелким производителем должны будем иметь дело, как с таковым, и лозунг „свободной торговли“ будет неизбежным. И, несмотря на ненависть крестьянской массы, он все же будет получать распространение, потому что он отвечает экономическим условиям существования мелкого производителя. Исходя из этого рода соображений, Ц. К. и принял решение и хотел открыть дискуссию по вопросу о замене разверстки налогом, а сегодня прямо поставил этот вопрос на съезде, что вы и одобрили в сегодняшнем решении. Вопрос о налоге и разверстке в законодательстве у нас поставлен давно. еще с конца 1918 года. Закон о налоге зна-

чится от 30-го октября 1918 года. Этот закон вводил натуральный налог с земледельцев, но в жизнь он не вошел. За его объявлением последовало в течение нескольких месяцев несколько инструкций, и он остался у нас непримененным. С другой стороны,—взятие с крестьянских хозяйств излишка означало такую меру, которая, в силу военных обстоятельств, была нам навязана с абсолютной необходимостью, но которая сколько-нибудь мирным условием существования крестьянского хозяйства не отвечает. Крестьянину нужна уверенность, что он столько-то отдает, а столько-то может употребить для своего мелкого оборота.

12468
809481

Все наше хозяйство, как в целом, так и в отдельных частях, было насковзь проникнуто условиями военного времени. Считаясь с ними, мы должны были ставить своей задачей сбор определенного количества продовольствия, не считаясь совершенно с тем, какое это займет место в общехозяйственном обороте. Теперь, когда мы от вопросов войны переходим к вопросам мира, мы на натуральный налог начинаем смотреть иначе: мы смотрим не только с точки зрения обеспечения государства, а также с точки зрения обеспечения мелких земледельческих хозяйств. Мы должны понять те экономические формы возмущения мелкой сельскохозяйственной стихии против пролетариата, которые обнаружили себя, и которые обостряются при настоящем кризисе. Мы должны постараться сделать максимум возможного в этом отношении. Это дело самое важное для нас. Дать крестьянину возможность известной свободы в местном обороте, перевести разверстку на налог, чтобы мелкий хозяин мог лучше рассчитать свое производство и соответственно с налогом устанавливать размер своего производства. Разумеется, мы знаем, что в обстановке, которая окружает нас,—это вещь, очень трудно осуществимая. Плошадь посева, урожайность, средства производства,—все это понизилось, излишки стали, несомненно, меньше, и в очень многих случаях их вовсе нет. С этими условиями надо считаться, как с фактом. В общегосударственном масштабе,—это вещь, вполне понятная, но чтобы ее понял распыленный, обнищавший крестьянин-хозяин, мы на это не рассчитываем. И мы знаем, что без принуждения здесь не обойдешься. без принуждения, на которое разоренное крестьянство реагирует очень сильно. Не надо думать также, что эта мера избавит нас от кризиса. Но в то же время мы ставим своей задачей максимум уступок, чтобы оставить мелкому производителю наилучшие условия для проявления своих сил. До сих пор мы принаравливались к задачам войны. Теперь мы должны принаравливаться к условиям мирного времени. Эта задача перед Ц. К. стала, и она тесно связана с концессиями,—эта задача перехода к натуральному налогу при условии существования пролетарской власти. Пролетарская власть, посредством концессий, может обеспечить себе союз с капиталистическими государствами

передовых стран, и от этого союза зависит усиление нашей промышленности, без чего мы не можем двинуться дальше по пути к коммунистическому строю; с другой стороны,—в этот переходный период, в стране, с преобладанием крестьянства, мы должны суметь перейти к максимуму мер экономического обеспечения крестьянства. Надо обеспечить ему возможность свободы хозяйничать. Это положение межеумочное; наша революция существует в окружении капиталистических стран. Пока мы в таком межеумочном положении, мы вынуждены искать чрезвычайно сложных форм взаимоотношений. Мы, придавленные войной, не могли сосредоточить свое внимание на том, как поставить экономические взаимоотношения между пролетарской государственной властью, имеющей в своих руках крупное производство, неслыханно разоренное и мелкими земледельцами, которые пока остаются таковыми, не могут жить без обеспечения мелкого хозяйства известной системой оборота. Я считаю этот вопрос самым важным вопросом экономики и политики для Советской власти в настоящее время. Я считаю, что этот вопрос подведет политические итоги нашей работы, когда мы закончили период военный и начали в отчетный год осуществлять переход на мирное положение. Этот переход связан с такими трудностями, так ясно обрисовал эту мелко-буржуазную стихию, что нужно смотреть на нее трезво. Мы смотрим на этот ряд явлений с точки зрения классово-борьбы, и мы никогда не заблуждались на счет того, что отношения пролетариата к мелкой буржуазии,—вопрос трудный, требующий для победы пролетарской власти сложных мер, или, вернее сказать, целой системы сложных переходных мер. Из того, что мы в конце 1918 года издали декрет о натуральном налоге, видно, что вопрос этот перед сознанием коммунистов стоит, но что мы не могли осуществить его, благодаря военным обстоятельствам. Нам пришлось в состоянии гражданской войны переходить к мерам военного времени. Но было бы величайшей ошибкой, если бы мы сделали отсюда тот вывод, что только такого рода меры и отношения возможны. Когда переход к миру осуществляется в условиях экономического кризиса, надо вспомнить, что осуществить строительство пролетарского государства в стране, с крупным производством легче, чем в стране, в которой преобладает мелкое производство. Мы не забываем, что одно дело пролетариат и другое дело мелкое производство. Мы не забываем, что есть разные классы, что мелко-буржуазная анархическая контр-революция есть политическая ступень к белогвардейщине. Мы должны смотреть на это прямо, трезво, сознавая, что здесь необходима, с одной стороны, максимальная сплоченность, выдержка и дисциплина внутри пролетарской партии, с другой стороны,—целый ряд экономических мер, которые мы осуществить не могли благодаря военным обстоятельствам. Мы должны признать необходимыми концев-

сии, закупку машин и орудий для удовлетворения сельского хозяйства, чтобы в обмен их на хлеб восстановить такие отношения между пролетариатом и крестьянством, которые обеспечивают существование его в обстановке мирного времени. Я надеюсь, что к этому мы еще вернемся.

В заключение я скажу только два слова о том вопросе борьбы с бюрократизмом, который занял у нас так много времени. Еще летом прошлого года этот вопрос был поставлен в Ц. К., в августе Ц. К. выдвинул его в письме ко всем организациям, в сентябре он был поставлен на партийной конференции, наконец, на декабрьском съезде Советов вопрос этот был поставлен в более широком масштабе. Несомненно, бюрократическая язва есть; она признана, и необходима действительная борьба против нее. Конечно, в этой дискуссии, которую мы наблюдали, в некоторых платформах этот вопрос ставился по меньшей мере легкомысленно, и сплошь и рядом он рассматривался с точки зрения мелко-буржуазной. Надо, чтобы мы поняли, что борьба с бюрократизмом есть борьба абсолютно необходимая, и что она так же сложна, как задача борьбы с мелко-буржуазной стихией. Бюрократизм в нашем государственном строе получил значение такой болячки, что о ней говорит наша партийная программа, и это потому, что он связан с этой мелко-буржуазной стихией, с ее распыленностью. Победить эти болезни можно только объединением трудящихся, чтобы они умели не только приветствовать декреты о рабоче-крестьянской инспекции—мало разве у нас декретов, которые приветствуются?—но чтобы они умели через рабоче-крестьянскую инспекцию осуществлять свое право, чего сейчас нет не только в деревне, но и в городах, и даже в городах столичных. Часто не умеют осуществлять его даже там, где больше всего кричат против бюрократизма. На это обстоятельство надо очень и очень обратить внимание.

Здесь мы часто наблюдаем, что некоторые, борясь с этим злом, хотят, может-быть, даже искренно, помочь пролетарской партии, пролетарской диктатуре, пролетарскому движению, а на деле помогают мелко-буржуазной анархической стихии, которая не раз в течении революции показывала себя, как самого опасного врага пролетарской диктатуры. А теперь,—и это основной вывод и урок текущего года,—она показала себя еще раз, как враг самый опасный, больше всего могущий иметь сторонников и поддержки в стране, могущий изменить настроение широких масс, перебрасываться даже на часть беспартийных рабочих. Если мы этого не поймем, если этого урока мы не выведем и не превратим этот съезд в поворотный пункт и в экономической политике, и в смысле максимального сплочения пролетариата, придется применить к нам печальные слова, что мы ничего не забыли из того, иногда пустого и мелкого, что следует забывать, и ничему не научились из того серъ-

езного, чему за этот год революции нам надо было научиться. Я надеюсь, что этого не будет. (Бурные аплодисменты).

Заключительная речь т. Ленина.

Товарищи, естественно было бы ожидать, что по докладу, касавшемуся политической деятельности Ц. К., и критика, и дополнения, и поправки, и т. д. направятся больше всего на политическую работу, на политические ошибки, и будут сделаны политические указания.

К сожалению, когда присматриваешься к прениям, здесь развернувшимся, когда перечитываешь еще раз главные пункты в этих прениях, то не можешь удержаться, чтобы не задать себе вопрос, не потому ли съезд так быстро закрыл эти прения, что удивительно беседедержательно говорили. На самом деле, что мы слышали о политической работе Ц. К. и политических задачах момента? Большинство говоривших называло себя „рабочей оппозицией“. Не шуточное название. Т. Коллонтай здесь осталась недовольна моим докладом. Если люди выступают от имени оппозиции и называют эту оппозицию „рабочей“, и говорят, что Ц. К. руководил политикой партии неправильно, надо таким людям сказать: нужны указания на эти неправильности по основным вопросам и указания на то, как их исправить. К сожалению, мы не слышали абсолютно ничего, ни единого звука, ни единого словечка о современном моменте и его уроках. Здесь даже не подошли к тому выводу, который я сделал. Очень может быть, что он неправилен, но для того и делается отчет на съезде, чтобы эти неправильности исправлялись.

Сплочение партии, недопущение оппозиции в партии—политический вывод из современного момента, а экономический вывод—не удовлетворяться тем, что сделано в политике, искать новых путей соглашения рабочего класса с крестьянством, применять, испытывать это новое. Я указал конкретно, что надо. Может быть, это неправильно, но никто ни единого слова об этом не сказал. Кто-то из ораторов, кажется, Рязанов, упрекнул меня лишь в том, что налог явился будто бы в моей речи откуда-то сразу, неподготовленным обсуждением. Это неправильно. Я удивляюсь только, как перед партийным съездом ответственными товарищами делаются такие заявления. Дискуссия о налоге была открыта несколько недель тому назад в „Правде“. Если в ней не пожелали принять участия товарищи, которые любят играть в оппозицию и бросать упреки в том, что мы не даем возможности широкой дискуссии,—в этом их вина. С редакцией „Правды“ мы связаны не только тем, что тов. Бухарин—член Центрального Комитета, но и тем, что важнейшие темы и важнейшие линии политики всегда обсуждаются Ц. К. Без этого не может быть политической работы. Вопрос о налоге был постав-

лен Ц. К. на дискуссию. Статьи в „Правде“ были, на них никто не отвечал. Этим не отвечавшие показали, что они не хотели работать над этим вопросом. А когда уже после этих статей на собрании Московского Совета выступил член собрания,—я не помню, беспартийный или меньшевик,—и стал говорить о налоге, я сказал: „Вы не знаете того, что пишет „Правда“. Сделать беспартийному этот упрек было более естественно, чем члену партии. Поставлена была в „Правде“ дискуссия не случайно, и на съезде нам придется этим вопросом заняться. Ораторы в критике проявили абсолютную неделовитость. Вопрос на дискуссию был поставлен, и в ней следовало принять участие, иначе вся эта критика становится беспочвенной. Точно также по вопросу политическому. Я повторяю, все мое внимание было устремлено на то, чтобы мы сделали правильный вывод из последних событий.

Прежде чем перейти к ответу выступавшим здесь представителям „рабочей оппозиции“, скажу два слова об Осинском. Выступил товарищ, немало писавший и выступавший с собственной платформой, с критикой по отчету Ц. К. Нужно было ожидать, что она на съезде даст критику основных мероприятий, очень для нас важную. Вместо этого он сказал, критикуя, что будто бы „выкинули“ Сапронова, и что из этого очевидно, что слова о необходимости сплоченности расходятся с делом и подчеркивал, что выбрали двоих от „рабочей оппозиции“ в президиум. Я удивлен, как можно с такими мелочами, имеющими 10-степенное значение, выступать крайне видному партийному литератору и работнику, занимающему ответственный пост. Специфическая особенность Осинского во всем усматривать политиканство. Это политиканство он видит в том, что два места в президиуме даны „рабочей оппозиции“.

Неоднократно мы говорили, и в частности—я,—и на этот счет не было разногласий в Ц. К.,—что наша задача—отсеять в оппозиций здоровое от нездорового, именно потому, что она получила известное распространение. Еще в сентябре, во время партийной конференции мы свою задачу видели в том, чтобы отсеять здоровое от нездорового,—ибо нельзя относиться к этой группе, как к здоровой группе. Когда нам говорят о недостаточном проведении демократизма, мы говорим: это абсолютно верно. Да, он проведен у нас недостаточно. Нужна помощь в этом отношении и указания, как провести. Нужно действительное проведение, а не разговоры. Мы принимаем и тех людей, которые называют себя „рабочей оппозицией“. Мы говорим себе: раз это болезнь, затрагивающая часть рабочих, нужно на нее обратить сугубое внимание. И то, что тов. Осинский ставил почему-то нам в вину, нужно поставить нам в заслугу.

Теперь перехожу к „рабочей оппозиции“. Вы признали, что остались в оппозиции. Вы на партийный съезд пришли с брошюрой

т. Коллонтай, на которой написано: „Рабочая оппозиция“. Если есть хотя что-либо здоровое в этой оппозиции, надо все силы употребить, чтобы здоровое от нездорового отсечь. Мы не можем вполне бороться с бюрократизмом и проводить последовательно демократизм, потому, что мы слабы, нет сил, и тот, кто поможет в этом, того надо привлечь, а кто под видом помощи преподносит вот этикие брошюры, того надо разоблачать.

После этих предварительных замечаний, я обращаю ваше внимание на брошюру т. Коллонтай, которая действительно заслуживает вашего внимания и которая подводит итог работы, в течение нескольких месяцев произведенной этой оппозицией. Здесь уже указывали, кажется, товарищ из Самары, на то, что я „административно“ наклеил ярлык синдикализма на „рабочую оппозицию“. Упоминание об администраторстве здесь, безусловно, не к месту, и здесь надо посмотреть, какой вопрос требует администраторского решения. Тов. Милонов хотел таким словечком пострашней—блеснуть, а вышло нескладно, что будто я „административно“ наклеиваю ярлык. Я не раз говорил, что на собраниях тов. Шляпников и другие удрекали меня, что я терроризирую словом „синдикализм“. И на какой-то дискуссии, чуть ли не на съезде горнорабочих, при упоминании об этом я говорил т. Шляпникову: кого из взрослых людей вы хотите обмануть? Ведь мы с т. Шляпниковым знаем друг друга много лет, много лет еще во время работы в подполье и эмиграции, и как же можно заявлять, что характеристикой отдельных уклонов я кого-то терроризирую? И при чем здесь администраторство, когда я говорю про положение „рабочей оппозиции“,—что это синдикализм? И почему т. Коллонтай пишет, что я легкомысленно бросаю слово: синдикализм? Чтобы говорить так, надо бы немножко это доказать. Я готов в кредит принять, что мое доказательство неправильно, а утверждение т. Коллонтай более солидно,—я готов этому поверить. Но нужно хотя маленькое доказательство не словами о терроризировании или администрировании (которым я, к сожалению, по должности много занят), но точным ответом в опровержение выдвигаемого мною обвинения рабочей оппозиции в ее уклоне в синдикализм.

Это обвинение было сделано мною перед всей партией, сделано ответственно, и это отпечатано в брошюре, и все это читали. Очевидно, все товарищи готовились к этому съезду, и все должны знать, что синдикалистский уклон—это и есть анархический уклон, и что „рабочая оппозиция“, которая укрывается за пролетарской спиной, и есть мелко-буржуазная, анархическая стихия. Что эта стихия проникает в широкие массы,—это видно, и партийный съезд осветил это. Что эта стихия проводится в жизнь—это доказано брошюрами т. Коллонтай и тезисами т. Шляпникова. И тут нельзя отделаться только тем, что,—как всегда,—т. Шляпников говорит о своем истинно-пролетарском характере.

Т. Коллонтай начинает свою брошюру так. На 1-й странице мы читаем (читает): „В оппозицию входит передовая часть классово-организованных пролетариев“. На съезде горнорабочих делегат из Сибири указывал на то, что у них поднимались такие же вопросы, как и в Москве, и на это т. Коллонтай указывает также в своей брошюре: „У нас понятия не имели о том, что в Москве идут разногласия и дискуссии о роли профсоюзов,—говорил делегат из Сибири на съезде горнорабочих,—а нас уже волновали те же вопросы, что стоят перед вами“. „За рабочей оппозицией стоят пролетарские массы, или точнее: „рабочая оппозиция—это классово-спаянная, классово-сознательная и классово-выдержанная часть нашего промышленного пролетариата“.

Ну, слава богу, так и будем знать, что т. Коллонтай и т. Шляпников—„классово-спаянные, классово-сознательные“. (Шумные аплодисменты). Но, товарищи, когда так говоришь и так пишешь, то нужно немножко знать и меру.

На стр. 25-й этой брошюры т. Коллонтай пишет: „Организация управления народным хозяйством принадлежит всероссийскому съезду производителей, объединяемых в профессиональные и производственные союзы, которые избирают центральный орган, управляющий всем народным хозяйством“, и это является одним из главнейших пунктов тезисов. Это—тезис „рабочей оппозиции“, тот самый тезис, который я во всех случаях дискуссии и в печати проводил. И должен сказать, что, прочитавши этот тезис, я уже других не стал читать, потому что это значило бы терять время, так как после этих тезисов, ясно, что люди уже договорились, что это является мелко-буржуазной, анархической стихией. Я указывал на принятую на 2 м съезде Коминтерна летом резолюцию о роли Коммунистической партии. Эта резолюция является резолюцией, объединяющей коммунистических рабочих в коммунистические партии всего мира. Значит ли это, что мы партию отгораживаем от всего рабочего класса, определенно осуществляющего диктатуру? Так смотрят некоторые левые и очень многие синдикалисты, и сейчас этот взгляд распространен повсюду. Этот взгляд и есть порождение мелко-буржуазной идеологии. Ведь, эти тезисы быют в лицо решению 2-го съезда Коминтерна о роли Коммунистической Партии и об осуществлении диктатуры пролетариата. Это и есть синдикализм, потому что вы, подумайте ясно, что наш пролетариат в большей части своей деклассирован, что неслыханные кризисы, закрытие фабрик, привели к тому, что от голода люди бежали, рабочие просто бросали фабрики, должны были устроиваться в деревне и переставали быть рабочими. Разве мы не знаем и не наблюдали, как неслыханные кризисы, гражданская война, прекращение правильных взаимоотношений между городом и деревней, прекращение подвоза хлеба создавали обмен каких-нибудь мелких продуктов, изготов-

ляемых на больших заводах, каких-нибудь зажигалок—на хлеб, когда рабочие голодают и когда хлеб не подвозят? Что же, мы не видели этого на Украине? Не видели в России? Это все и есть то, что экономически порождает деклассирование пролетариата, что неизбежно вызывает это, заставляет проявляться и там буржуазно-анархической тенденции.

После того, что мы пережили, практически видели все эти бедствия, мы знаем, как чертовски трудно с ними бороться. Мы после двух с половиной лет Советской власти перед всем миром выступили и сказали в Коммунистическом Интернационале, что диктатура пролетариата невозможна иначе, как через Коммунистическую Партию. И нас тогда бешено ругали анархисты и сандикалисты, которые говорили: „вот как! Они думают, что для осуществления пролетарской диктатуры необходима Коммунистическая Партия?“. Но мы это сказали перед всем Коммунистическим Интернационалом. И после этого к нам приходят люди, „классово-созревшие и классово-спаянные“, которые говорят: „организация управления народным хозяйством принадлежит всероссийскому съезду производителей“ (брошюра т. Колонтай). Всероссийский съезд производителей—что это такое? Будем ли мы еще терять время на такие оппозиции в партии? Мне кажется, что довольно об этом дискутировать. Все эти рассуждения о свободе слова и свободе критики, которые во всей этой брошюре пестрят, сквозят во всех речах „рабочей оппозиции“, составляют девять десятых смысла речей, не имеющих особого смысла,—все это слова того же порядка. Ведь надо же, товарищи, говорить не только о словах, но и о содержании их. Нас словами, вроде: „свобода критики“, не проведешь. Когда сказали, что в партии есть признаки болезни, мы говорили, что это указание заслуживает тройного внимания. Несомненно, эта болезнь есть. Давайте помогать эту болезнь лечить. Скажите же, как вы можете ее лечить? Не надо теперь оппозиции, товарищи. И я думаю, что партийному съезду придется этот вывод сделать, придется сделать тот вывод, что для оппозиции теперь конец, крышка, теперь довольно нам оппозиций. (Аплодисменты).

Свободно критиковать эта группа имела право уже давно. И мы спрашиваем теперь, на партийном Съезде, каковы итоги, каково содержание вашей критики? Чему вы вашей критикой партию научили? Тех из вас, которые ближе стоят к массам, действительно классово-спаянными и классово-зрелыми, мы готовы привлечь к работе. Если тов. Осинский будет усматривать в этом политиканство, то он останется один, а остальные усмотрят в этом целесообразную помощь членам партии. Мы должны помочь тем, которые действительно живут в рабочей массе, ближе ее знают, имеют опыт: и они могут дать Ц. К. свои указания. И пусть они себя называют как угодно—это все равно—если только они будут помогать работе,

если они не играют в оппозицию и не отстаивают группы и фракции во чтобы то ни стало, а будут лишь нам помогать.

Когда нам на той же странице своей брошюры товарищ Коллонтай жирным шрифтом пишет о „недоверии к рабочему классу“— это на тему о том, что они-де настоящая „рабочая“ оппозиция. На 36-й странице той же брошюры есть еще более яркое выражение этой мысли: „Рабочая оппозиция не должна идти, да и не может идти на уступки. Это не значит—звать к расколу. Нет, ее задача иная: даже, в случае поражения на Съезде—оставаться внутри партии и шаг за шагом твердо отстаивать свою точку зрения, спасая партию и выправляя ее линию“. „Даже в случае поражения на Съезде“— скажите, пожалуйста, как предусмотрительно! (Смех). Извините, но я от себя лично позволю с уверенностью заявить, что этого партийный Съезд не позволит. (Аплодисменты). Выпрямлять линию партии имеет всякий. Вам дали все возможности для этого. Мы приветствуем всякую помощь в деле проведения демократизма, но одними фразами нас не проведешь, когда народ измучен. Всякий, кто хочет помочь делу, должен быть приветствуем, а когда так говорят, что на уступки не пойдут, то Съезд этого не допустит. Тут никаких двусмысленностей оставлять мы не имеем права. Работа помощи в борьбе с бюрократизмом, работа помощи отстаивания демократизма, помощь в деле большей связи с действительно рабочими массами—безусловно необходимы. Ити в этом отношении на „уступки“ мы можем и должны, и как бы нам ни говорили, что они на уступки не идут, мы будем повторять, что мы идem. Это вовсе не уступки, это помощь рабочей партии. Этим мы все, что есть здорового и пролетарского в рабочей оппозиции, все получим на сторону партийную, останутся классово-сознательные авторы синдикалистских речей. (Аплодисменты). Последняя Московская Конференция сказала: „Мы возьмем из рабочей оппозиции того, кого мы хотим, а не кого они хотят, потому, что нам нужна помощь людей, связанных с рабочими массами, которые практически научат нас бороться с бюрократизмом“. Это трудная задача. Мне кажется, партийному Съезду этот опыт москвичей нужно учесть и также приступить к экзамену, и не только на этом пункте, а на всех пунктах порядка дня экзамен дать. В результате людям, которые говорят, что „на уступки не идут“ сказать: „Партия на уступки идет. Нужно, чтобы работа была дружная. Этой политикой мы отсеем здоровое от нездорового в „рабочей оппозиции“ и получим укрепление партии.

Посмотрите, здесь говорили, что управлять производством должен „всероссийский съезд производителей“. Я затрудняюсь, какими словами следует еще эту несурязицу характеризовать, но утешаюсь тем, что здесь все—партийные работники, советские, которые уже год, два, три делают революционную работу. Перед ними не стоит это и критиковать. Они потому и прения закрывают, когда такие

речи слышат, что скучно, не серьезно говорить о „всероссийском съезде производителей“, который управляет народным хозяйством. Может быть, это можно было бы в стране, где никакого приступа к работе, при взятой уже политической власти, не было. У нас этот приступ есть. И любопытно, что на странице 33-й той же брошюры мы находим следующее: „Рабочая оппозиция не настолько невежественна, чтобы не учитывать великой роли техники и технически вышколенных сил“. „Рабочая оппозиция не мыслит создать свои органы управления народным хозяйством, избранные на съезде производителей, и затем распустить Совнархозы, Главки, Центры. Нет, она мыслит иное: подчинить эти технические и необходимые центры управления своему руководству, давать им теоретические задания, использовать их так, как в свое время фабриканты и заводчики использовали силы специалистов-техников“. Итак, тов. Коллонтай и тов. Шляпников, и следующие за ними „классово-спаянные“ люди, подчиняют своему необходимому руководству Совнархозы, Главки и Центры—всяких Рыковых, Ногиных и проч. „ничтожества“, и будут давать им теоретические задания. Что же, товарищи, разве можно это взять в серьез?

Если у вас были какие-либо теоретические задания, почему вы их не давали? Для чего мы объявляли свободу дискуссий? Мы объявляли не для одного обмена словами. Во время войны мы говорили: нам не до критики: если мы делаем ошибку—нас ждет Врангель, мы ее исправляем—мы бьем Врангеля. Когда мы кончили войну, нам начинают кричать: „давайте свободу дискуссий“. Когда мы спрашиваем: скажите, какие ошибки мы сделали,—нам говорят: не нужно распустить Совнархозы и Главки, им надо давать теоретические задания. Почему тов. Киселев, который на съезде горнорабочих, как представитель „классово-спаянной рабочей“ оппозиции, остался в ничтожном меньшинстве,—почему, когда он стоял во главе Главтекстиля, он не научил нас борьбе с бюрократией? Почему тов. Шляпников, когда он был Наркомом, почему тов. Коллонтай, когда она также была Наркомом, не научили нас борьбе с бюрократизмом? Мы сами знаем, что бюрократический налет у нас есть, и мы, которым приходится ближе всего иметь дело с этим бюрократическим аппаратом, мы от этого страдаем. Подписываем бумажку, а как дойдет она до дела,—как это проверить, когда бюрократический аппарат такой громадный? Вы знаете, как его уменьшить?—поделитесь, пожалуйста, с нами, дорогие товарищи, вашим знанием. У вас есть желание дискуссировать? Но, кроме общих заявлений, вы ничего не даёте. Вместо этого, вы занимаетесь чистойшей демагогией. Прочитайте, все товарищи, эту брошюрку, убедительно вас прошу. Лучшего материала против рабочей оппозиции, чем брошюра тов. Коллонтай: „Рабочая оппозиция“, быть не может. Вы увидите, что так подходить к вопросу действительно нельзя. Что

бюрократизм есть вопрос больной, это мы все признаем, это есть даже в нашей партийной программе. Критика против Главков и Совнархозов очень легка, но когда вы критикуете, беспартийные рабочие массы понимают: распустить. Это подхватывают и с. р. Мне рассказали товарищи украинцы, что у них на конференции левые с.р. свои предложения формулировали буквально таким же образом. Рабочая оппозиция говорит: мы распустить совнархозы не будем, а подчиним своему руководству; всероссийский съезд производителей подчинит своему руководству 11 Главк Совнархоза! Я спрашиваю, смеются что ли они, и можно ли таких людей брать в серьез? Это и есть мелко-буржуазная, анархическая стихия не только в рабочей среде, но и внутри нашей партии, и этого допустить мы ни в каком случае не можем.

Когда мне приходилось на 2 съезде горнорабочих спорить с тов. Троцким и Киселевым, эти две точки зрения выступали явно. Рабочая оппозиция говорила: Ленин и Троцкий соединятся. Троцкий выступил и говорил: конечно, мы соединимся, потому что мы люди партии. Кто не понимает, что нужно соединиться, тот идет против партии. Я поддержал его. Конечно, мы с тов. Троцким расходились; когда в Ц. К. образуются более или менее равные группы—партия рассудит, и рассудит так, что мы объединимся согласно воле и указаниям партии. Вот, с каким заявлением мы с тов. Троцким шли на съезд горнорабочих и пришли сюда. А рабочая оппозиция говорит: мы не будем делать уступок, но мы останемся в партии. Нет, этот номер не пройдет! (Аплодисменты). Еще раз скажу, что нам в борьбе с бюрократизмом всякая помощь рабочего, как бы он себя ни называл, если он хочет искренно нам помогать, архи-желательная помощь. В этом смысле мы на „уступки“ пойдем, какие бы вызывающие нам ни делали заявления; мы на уступки пойдём, потому, что мы знаем, как трудно работать. Распустить совнархоз и главки мы не можем. Когда говорят, что у нас есть недоверие к рабочему классу, что мы не пускаем—это сплошная неправда. Всякого, сколько-нибудь сносного администратора из рабочих мы ищем и рады взять. Я указывал, что противоположное утверждение—неправда, что мы изнемогаем от недостатка сил, что малейшую помощь сколько-нибудь дельного человека, а из рабочих втрое—мы берем обеими руками. Но у нас их нет. На этой почве является анархия

Тут надо поддержать борьбу с бюрократизмом. Это—сотни тысяч людей. Что мы с ними будем делать? Легко писать об этом. Вы сами понимаете, что значит расслабить советский аппарат, когда 2 миллиона русских находятся за границей. Их выгнала гражданская война. Они нас осчастливили тем, что теперь заседают в Берлине, Париже, Лондоне и во всех столицах, кроме нашей. Они поддерживают ту же стихию, которая называется мелким производителем.

мелко-буржуазной стихией. Все, что можно сделать для того, чтобы изжить бюрократизм путем выдвигания рабочих снизу, мы будем делать; всякое практическое указание в этом отношении примем. Если называть это даже неподходящим словом „уступок“, как здесь называют,—нет сомнения, что 99 проц. Съезда скажет вопреки этой брошюре: а мы пойдем вопреки этому и завоюем все, что есть здорового. Становитесь вместе с рабочими и научите, как бороться с бюрократизмом, если знаете лучше нас, а не выступайте так, как выступал т. Шляпников.

Доклад тов. Ленина о натуральном налоге.

Товарищи, вопрос о замене разверстки налогом является прежде всего и больше всего вопросом политическим, ибо суть этого вопроса состоит в отношении рабочего класса к крестьянству. Постановка этого вопроса означает, что мы должны отношения этих двух главных классов, борьба или соглашение между которыми определяют судьбы всей нашей революции, подвергнуть новому, или, я бы сказал, пожалуй, более осторожному и правильному дополнительному рассмотрению и известному пересмотру. Мне нет надобности подробно останавливаться на вопросе о причинах такого пересмотра. Вы все, конечно, прекрасно знаете, какая сумма обстоятельств особенно на почве крайнего обострения нужды, вызванная войной, разорением, демобилизацией и неурожаем, сделала положение крестьянства особенно тяжелым, острым и неизбежно усилила колебание его от пролетариата к буржуазии.

Два слова о теоретическом значении или о теоретическом подходе к этому вопросу. Нет сомнения, что социалистическая революция в стране, где громадное большинство населения принадлежит к мелким земледельцам-производителям, возможна лишь путем целого ряда особых переходных мер, которые были бы совершенно ненужны в странах развитого капитализма, где наемные рабочие в промышленности и земледелии составляют громадное большинство. В странах развитого капитализма есть в течение десятков лет сложившийся класс наемных рабочих земледелия. Только такой класс специально экономически и политически может быть опорой непосредственного перехода к социализму. Мы подчеркивали в целом ряде произведений, во всех наших выступлениях, во всей прессе, что в России дело обстоит не так, что в России мы имеем меньшинство рабочих в промышленности и громадное большинство мелких земледельцев. Социальная революция в такой стране может иметь окончательный успех лишь при двух условиях: во-первых, при условии поддержки ее своевременно социальной

революцией в одной или нескольких передовых странах. Как вы знаете, для этого условия мы очень много сделали по сравнению с прежним, но далеко не достаточно, чтобы это стало действительностью.

Другое условие, это соглашение между осуществляющим свою диктатуру или держащим в своих руках государственную власть пролетариатом и большинством крестьянского населения. Соглашение это—понятие очень широкое, которое включает в себе целый ряд мер и переходов. Здесь надо сказать, что мы должны ставить дело во всей нашей пропаганде и агитации на чистоту. Люди, которые под политикой понимают мелкие приемы, сводящиеся иногда чуть ли не к обману, должны встречать в нашей среде самое решительное осуждение. Классов обмануть нельзя. Мы очень много сделали за 3 года, чтобы политическую сознательность в массах поднять. Массы в острой борьбе учились больше всего. Нам надо, согласно нашему мирозозерцанию, 10-летнему нашему революционному опыту, урокам нашей революции—ставить вопросы прямоком: интересы классов различны, мелкий земледелец не хочет того, чего хочет рабочий.

Мы знаем, что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах. И так, прямоком, во всех собраниях, во всей прессе нужно говорить. Мы не должны стараться прятать что-либо, а должны говорить прямоком, что крестьянство формой отношёнй, которая у нас установилась, недоволено, что оно этой формы соотношёнй не хочет, и дальше так существовать не будет. Это бесспорно. Эта воля его выразилась определенно. Это—воля громадных масс трудящегося населения. Мы с этим должны считаться, и мы достаточно трезвые политики, чтобы говорить прямо: давайте пересматривать.

Мы должны сказать: хотите вы назад итти, хотите вы реставрировать частную собственность и свободную торговлю целиком, тогда это значит скатываться под власть помещиков и капиталистов неминуемо и неизбежно. Целый ряд исторических примеров и примеров революции это свидетельствует. Весьма небольшое рассуждение из азбуки коммунизма, из азбуки политической экономии подтвердит неизбежность этого. Давайте же разбирать. Расчет ли крестьянству расхотиться с пролетариатом так, чтобы докатиться назад и позволять стране докатиться до власти капиталистов и помещиков, или не расчет? Расчитывайте и давайте расчитывать вместе.

И мы думаем, что если расчитывать правильно, то, при всей сознательности глубокой розни экономических интересов пролетариата и мелкого земледельца, расчет будет в нашу пользу. Как ни трудно наше положение в смысле ресурсов, а задача удовле-

творить среднее крестьянство—должна быть разрешена. Крестьянство стало гораздо более средним, чем прежде, противоречия сгладились, земля разделена в пользовании гораздо более уравнительном: кулак подрезан и в значительной части экспроприирован. В России больше, чем на Украине, в Сибири меньше но в общем и целом, данные статистики указывают совершенно бесспорно, что деревня нивелировалась, выровнялась, т.-е. резкое выделение в сторону кулака и в сторону беспосевщика сгладилось. Все стало ровнее, крестьянство стало в общем в положении середняка.

Можем ли мы удовлетворить это среднее крестьянство, как таковое, с его экономическими особенностями, с его экономическими корнями? Если кто-либо из коммунистов мечтал, что в три года можно переделать экономическую базу, экономические корни мелкого земледелия, то он, конечно, был фантазер, и нечего греха таить, таких фантазеров в нашей среде было не мало. И ничего тут не было особенно худого. Откуда же было в такой стране начать социалистическую революцию без фантазеров? Практика, разумеется, показала, какую огромнейшую роль могут играть всевозможного рода опыты и начинания в области коллективного ведения земледельческого хозяйства. Но практика показала, что эти опыты, как таковые сыграли отрицательную роль, когда люди полные самых добрых намерений и желаний шли в деревню устраивать коммуны, коллективы, не умея хозяйничать, потому что коллективного опыта у них не было. Вы прекрасно знаете, сколько было таких примеров. Повторяю, что это не удивительно, ибо дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков есть дело, требующее поколений. Решить этот вопрос по отношению к мелкому земледельцу, оздоровить, так сказать, всю его психологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе. Вот что в корне и с громадной быстротой переделало бы мелкого земледельца. Если я говорю, что нужны поколения, это не значит, что нужны столетия. Но вы прекрасно понимаете, что достать тракторы, машины и электрифицировать громадную страну—такое дело может, во всяком случае, исчисляться не менее, чем десятилетиями. Вот какова объективная обстановка.

Теперь спрашивается, как это сделать? Мы должны постараться удовлетворить требования крестьян, которые не удовлетворены, которые недовольны и законно недовольны и не могут быть довольны. Мы должны сказать: „Да, такое положение не может держаться дальше“. Как его удовлетворить и что значит удовлетворить его? Откуда мы можем взять ответ на вопрос о том, как его удовлетворить? Конечно, из тех же самых требований. Мы эти требования знаем. Но мы должны проверить их, свести в экономическую науку все то, что мы знаем об экономических требованиях земледельца.

Вникая в этот вопрос, мы скажем себе сразу: удовлетворить мелкого земледельца, по сути дела, можно двумя вещами: во-первых— нужна известная свобода оборота, свобода для частного мелкого хозяина, а во-вторых, нужно достать товары и продукты. Что за свобода оборота, ежели нечего оборачивать, и свобода торговли, ежели нечем торговать! Это останется бумажкой, а классы удовлетворяются не бумажками, а материальными вещами. Эти два условия надо хорошенько понять. Как нам достать товары, об этом мы будем говорить потом. Остановимся сейчас на том, что такое свобода оборота? Свобода оборота, это есть свобода торговли, а свобода торговли, значит назад к капитализму. Свобода оборота и свобода торговли, это значит товарный обмен между отдельными мелкими хозяевами. Мы все; кто учился хотя бы азбуке марксизма, знаем, что из этого оборота и свободы торговли неизбежно вытекает деление товаропроизводителя на владельца капитала и на владельца рук, разделение на капиталиста и на наемного рабочего, т.-е. воссоздание снова капиталистического наемного рабства, которое не с неба сваливается, а вырастает во всем мире, именно из товарного земледелия. Это мы прекрасно знаем теоретически, и в России всякий, кто присматривался к жизни и к условиям хозяйства мелкого земледельца, не может не наблюдать этого.

Спрашивается: как же так, может ли коммунистическая партия признать свободу торговли, к ней перейти? Нет ли тут непримиримых противоречий? На это надо ответить, что вопрос, разумеется, в практическом разрешении чрезвычайно труден. Я заранее предвижу и из беседы с товарищами знаю, что предварительный проект замены разверстки налогом, проект, который вам роздан, больше всего вопросов законных и неизбежных вызывает насчет того, что обмен допускается „в пределах местного хозяйственного оборота“. Что это значит, каковы этому пределы, как это осуществить? Если кто думает на такой вопрос получить ответ на данном съезде, тот ошибается. Ответ на этот вопрос мы получим от нашего законодательства. Наша задача здесь на съезде установить только принципиальную линию, выставить лозунг. Наша партия—правительственная партия, и то постановление, которое вынесет партийный съезд, будет обязательным для всей Республики, и здесь мы должны принципиально решить этот вопрос.

Мы должны решить вопрос принципиально, оповестить об этом крестьянство, потому что посев на носу. И дальше—двинуть весь наш аппарат, все наши теоретические силы, весь наш практический опыт, чтобы посмотреть, как это сделать. Можно ли это сделать, теоретически говоря, можно ли до известной степени восстановить свободу торговли, свободу капитализма для мелких земледельцев, не подрывая этим самым корни политической власти пролетариата? Можно ли это? Если бы мы оказались в состоянии

получить хотя бы небольшое количество товаров и держали бы их в руках государства, в руках имеющего политическую власть пролетариата, могли бы пустить эти товары в оборот,—мы бы, как государство, к политической власти прибавили бы экономическую власть. Введение этих товаров в оборот оживит мелкое земледелие, которое сейчас страшно замерло под гнетом тяжелых условий войны, разорения и под гнетом невозможности развернуть мелкое земледелие. Нужен толчок, побудитель, соответствующий его экономической базе, т. е. мелкому отдельному хозяйству. Тут без местной свободы оборота не выскочишь. Если этот оборот даст государству в обмен на продукты известное минимальное количество хлеба, достаточное для покрытия потребностей города, фабрики, промышленности, тогда экономический оборот восстанавливается так, что государственная власть в руках пролетариата остается и укрепляется. Крестьянство на практике требует показать ему, что рабочий, держащий в своих руках фабрики, заводы, промышленность, может оборот с крестьянством поставить. И, с другой стороны громадная земледельческая страна с плохими путями сообщения, с необъятными пространствами, различными сельскохозяйственными условиями и проч., неизбежно предполагает известную свободу оборота в местном масштабе местного земледелия и местной промышленности.

В этом отношении было много просто ошибочного, и было бы величайшим преступлением здесь не видеть и не понимать того, что мы меры не соблюдали, не знали, как ее соблюдать. Но тут также была вынужденная необходимость—мы жили до сих пор в условиях такой бешеной, неслыханно тяжелой войны, когда ничего, кроме, как действия по-военному, нам не оставалось и в области экономической. И чудом было, что такую войну выдержала разоренная страна, и это чудо не с небес свалилось, а оно поднялось из экономических интересов рабочего класса и крестьянства, которые создали это чудо своим массовым подъемом; этим чудом был создан отпор помещикам и капиталистам. Но, в то же время, факт несомненный и его не нужно скрывать в агитации и пропаганде, что мы зашли дальше, чем это теоретически и политически было необходимо. Мы можем в порядочной степени свободный местный оборот допустить,—допустить, не разрушая, а укрепляя политическую власть пролетариата. Как это сделать—это дело практики. Мое дело доказать вам, что теоретически это мыслимо. Пролетариату, держащему в руках государственную власть, если у него имеются какие-нибудь ресурсы, вполне возможно пустить их в оборот и достигнуть этим известного удовлетворения среднего крестьянина, удовлетворения на основе местного хозяйственного оборота.

Теперь несколько слов о местном хозяйственном обороте. Предварительно я должен коснуться вопроса о кооперации. Конечно

при местном хозяйственном обороте кооперация нам нужна. Наше программа подчеркивает, что лучший аппарат для распределения есть оставшаяся от капитализма кооперация, что этот аппарат нужно сохранить. Это говорится в программе. Использовали ли мы кооперацию? Очень недостаточно: опять-таки частью по ошибке, частью по военной нужде. Кооперация, выделяя элементы, более хозяйственные, более высокие в экономическом отношении, тем самым в политике выделяла меньшевиков и с.-р. Это химический закон, тут ничего не поделаешь (смех). Меньшевики и с.-р.,—это люди, которые сознательно или бессознательно восстанавливают капитализм и помогают Юденичам. Это тоже закон. Мы должны были с ними воевать. Коли воевать, так по-военному. Мы должны были защищать себя и мы себя защитили. Но можно ли остаться непременно при теперешнем положении? Нельзя. И связывать этим руки будет безусловно ошибкой. Вот почему по вопросу о кооперации я предлагаю резолюцию, которая очень коротка и я ее прочту: „В виду того, что резолюция 9-го съезда Р. К. П. об отношении к кооперации вся построена на признании принципа разверстки, которая теперь заменяется натуральным налогом, X съезд Р. К. П., постановляет: указанную резолюцию отменить; съезд поручает Ц. К. выработать и провести в партийном и советском порядке постановления, которые бы улучшили и развили строение и деятельность кооперативов, в согласии с программой Р. К. П. и применительно к замене разверстки натуральным налогом“.

Резолюция 9-го съезда связывает руки, она говорит: подчинить кооперацию компроду“. Компрод, прекрасное учреждение, но обязательно подчинить ему кооперацию и связывать себе руки, когда пересматриваешь отношения к мелким земледельцам,—это политически делать явную ошибку. Мы должны поручить выбранному Ц. К. разработать и установить меры и изменения. Мы в этом отношении стоим, говоря теоретически, перед целым рядом переходов ступеней, переходных мер. Для нас ясно одно: резолюция 9-го съезда предполагала, что наше движение будет идти по прямой линии. Оказалось, как оказывалось постоянно во всей истории революций, что движение пошло зигзагами. Связывать руки такой резолюцией—политическая ошибка. Отменяя ее, мы говорим, что руководствоваться надо программой, которая подчеркивает значение кооперативного аппарата.

Отменяя ее, мы говорим: применяйтесь к замене разверстки налогом. Когда мы это проведем?—не раньше урожая, т.-е. через несколько месяцев. Одинаково ли это будет в разных местностях? Ни в коем случае. Центральную Россию, Украину, Сибирь шаблонировать, подчинять известному шаблону, будет величайшей глупостью. Я предлагаю эту основную мысль о свободе местного оборота вывести в виде постановления Съезда. Я мыслю себе, что

после этого непременно будет в ближайшие дни письмо Ц. К., который скажет, и, конечно, он скажет это лучше, чем я говорю это сейчас: Ничего не ломайте, не спешите, не мудрите на-спех, поступайте так, чтобы максимально удовлетворить среднее крестьянство, не нарушая интересов пролетариата. Испытайте то, испытайте другое, изучайте практически на опыте, потом поделитесь с нами и скажите, что вам удалось, а мы создадим специальную комиссию или даже несколько комиссий, которые собравший опыт учтут. Чтобы итти потом на основании опыта, нам нужно десять раз проверить принятые меры.

Затем нам предложат вопрос и пожелают узнать, где достать товары. Теперь мы это сможем, потому что наше экономическое положение в международном масштабе улучшилось в громадной степени. Как мы это сумеем сделать, это другой вопрос, но известная возможность есть.

Повторяю, тип экономических отношений, который получается из договоров с государствами сверху, даст возможность для пролетарской государственной власти свободного оборота с крестьянством внизу. Я знаю, это мне уже приходилось говорить, что это вызывало некоторые насмешки. В Москве есть целый слой интеллигентски-бюрократический, который пытается создавать „общественное мнение“. Он начал потешаться: вот так коммунизм вышел! Вроде того, как человек—внизу костыли, а вместо лица сплошная перевязка, и от этого коммунизма остается загадочная картинка. Этого рода шуточки я достаточно слышал, но шуточки эти либо бюрократические, либо несерьезные. Россия из войны вышла в таком положении, что больше всего похожа на состояние человека, которого избили до полусмерти. 7 лет колотили ее, и тут, дай Бог, с костылями двигаться. Вот мы в каком положении. Тут думать, что мы можем вылезти без костылей, значит, ничего не понимать. Пока революции нет в других странах, мы должны были бы вылезать десятилетиями, и тут не жалко сотен миллионов, а то и миллиардов, поступиться из наших необъятных богатств, из наших богатых источников сырья, чтобы получить помощь крупного передового капитализма. Мы потом с лихвой себе вернем. Семь лет войны, как они должны были сказаться, если 4 года войны в передовых странах до сих пор дают себя чувствовать там?

У нас, в нашей отсталой стране, после семилетней войны, тут нужна экономическая передышка. Я оглашу справку, которую я имею от тов. Лежавы. Из нее мы видим, что несколько сот тысяч пудов разнообразных предметов продовольствия уже куплены и в самом спешном порядке идут из Литвы, Финляндии и из Латвии. Сегодня получено известие, что в Лондоне подписана сделка на уголь в количестве $18\frac{1}{2}$ милл. пудов, который мы постановили купить, чтобы снабдить промышленность питерскую и текстильную.

Если мы получим товары для крестьянина, это есть, конечно, нарушение программы, это есть неправильность, но нужно дать передышку.

Должен сказать еще относительно индивидуального товарообмена. Если мы говорим о свободе оборота, то это означает индивидуальный товарообмен, т.-е. значит, поощрять кулаков. Как же быть? Не надо закрывать глаза, что замена разверстки налогом означает то, что кулачество из данного строя будет вырастать еще больше, чем до сих пор. Оно будет вырастать там, где оно раньше вырастало не могло. Но не запретительными мерами можно с этим бороться, а государственным обеднением и государственными мерами. Если ты можешь дать государству машины, этим ты поднимешь его, и когда ты дашь машины или электрофикацию, тогда сотни или десятки тысяч мелких кулаков будут убиты. Пока не можешь дать этого, дай известное количество товару. Если он в твоих руках—ты держишь власть, но приостановить, уничтожить, отменить такую возможность—это значит отнять всякую возможность оборота, это значит не удовлетворить среднее крестьянство. Крестьянство в России стало больше средним и бояться, что обмен станет индивидуальным—ничего. Всякий что-нибудь сможет дать государству в обмен. Один сможет дать излишки хлеба, другой даст в обмен огородные продукты, третий—трудовую повинность. В основном положение такое, что либо мы должны экономически удовлетворить среднее крестьянство и пойти на свободу оборота, либо—сохранить власть пролетариата в России при замедлении международной революции нельзя, экономически мы не сможем. Это надо ясно сознать и нисколько не бояться об этом говорить. В проекте, вы увидите, много несогласованности, есть противоречия, поэтому мы и написали в конце: „Съезд, одобряя в основном внесенные ЦК положения о замене разверстки натуральным налогом, поручает ЦК партии в скорейшем порядке согласовать эти положения“. Мы знаем, что они не были согласованы, мы не могли успеть этого сделать, мы не касались этой детальной работы. Детально разработает формы проведения налога в жизнь и проведет соответствующий закон ВЦИК и Совет Народных Комиссаров. Если вы это примите сегодня, то это будет постановлено в 1-й сессии ВЦИК, которая тоже издаст не закон, а только видоизмененное положение, затем Совнарком и Совет Труда и Оборона превратят это в закон, а что еще более важно—дадут практические инструкции. Важно, чтобы на местах поняли значение этого и пошли нам навстречу.

Почему нам нужно было заменить налогом разверстку? Разверстка предполагала изъять все излишки, установив обязательную государственную монополию. Мы не могли поступить иначе, мы были в состоянии крайней нужды. Теоретически это не обязатель-

но. Государственная монополия есть наилучшее с точки зрения социализма. Но, как переходную меру в стране крестьянской, которая имеет промышленность, и если есть некоторое количество товаров, возможно применить систему налога и свободного оборота. Этот самый оборот—стимул, побудитель, толчек для крестьянина. Хозяин может и должен стараться за свой собственный интерес, потому что с него не возьмут всех излишков, а только налог, который по возможности будет определен заранее. Основное, чтобы был стимул, побудитель, толчек мелкому земледельцу. Нам нужно строить нашу государственную экономику применительно к экономике середняка, которую мы за три года не могли переделать. Перед государством стояла определенная продовольственная обязанность. Наша разверстка в прошлом году была увеличена. Налог должен быть меньше.

Если будет неурожай, брать излишки нельзя, потому что излишков не будет. Их пришлось бы взять изо рта крестьян. Если будет неурожай, тогда все поголодают немножко, и государство будет спасено, либо иначе государство погибнет. Эта задача нашей пропаганды среди крестьян. Если будет сносный урожай—излишков до полумиллиарда. Они покрывают потребление и дают известный фонд. Все дело в том, чтобы дать крестьянам стимул, побудитель с точки зрения экономики. Поэтому мы предлагаем принять резолюцию за основу и поручаем согласовать ее. Работники на местах постараются согласовать и пополнить. Искать переходные меры—задача очень трудная. Не удалось быстро, прямолинейно это сделать—мы духом не падем, мы свое возьмем. Сколько-нибудь сознательный крестьянин не может не понять, что мы, как правительство, представляем рабочий класс и тех трудящихся, с которыми могут согласиться трудящиеся крестьяне (а их 9/10), что всякий поворот назад означает возвращение к старому царскому правительству. Это показывает кронштадтский опыт. Там не хотят белогвардейцев, а другой власти нет, не хотят нашей власти, и стоят в таком положении, которое является лучшей агитацией за нас и против всякого нового правительства.

Мы имеем сейчас возможность согласиться с крестьянами, и это нужно провести практически, умело, со сметкой, гибкостью. Мы знаем наш аппарат Компрода, мы знаем, что это один из лучших аппаратов. Сравнивая его с другими, мы видим, что это лучший аппарат, и он должен быть сохранен, но аппарат должен быть подчинен политике. Не к чему нам великолепнейший компродовский аппарат, если мы не сумеем наладить отношение с крестьянами. Раз политика требует решительной перемены, гибкости, умелого перехода, руководители должны это понять. Твердый аппарат должен быть годен для всяких маневров. Если же твердость аппарата превращается в заостренность, мешает поворотам, тогда он

теряет в пригодности. Поэтому нужно все силы употребить на то, чтобы безусловно добиться своего, добиться полного подчинения аппарата политике. Политика есть отношение между классами, — это решает судьбу республики. А сейчас нам надо иметь в виду основное, нам нужно, чтобы вечером же было разослано по радио во все концы мира, что съезд правительственной партии в основном заменяет разверстку налогом, давая этим целый ряд стимулов мелкому земледельцу: расширять хозяйство, увеличивать засев; что съезд, вступая на этот путь, исправляет систему отношений между пролетариатом и крестьянством и выражает уверенность, что этим путем будет достигнуто прочное отношение между пролетариатом и крестьянством.

Основные положения о замене разверстки натуральным налогом, принятые X съездом Р. К. П.

1. Для обеспечения правильного и спокойного ведения хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельцем своими хозяйственными ресурсами, для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности, а также в целях точного установления падающих на земледельцев государственных обязательств, разверстка, как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража, заменяется натуральным налогом.

2. Этот налог должен быть меньше налагавшегося до сих пор, путем разверстки обложения. Сумма налога должна быть исчислена так, чтобы покрыть минимальные необходимые потребности армии, городских рабочих и неземледельческого населения. Общая сумма налога должна быть постоянно уменьшаема по мере того, как восстановление транспорта и промышленности позволит Советской власти получать продукты сельского хозяйства нормальным путем, т.-е. в обмен на фабрично-заводские и кустарные продукты.

3. Налог взимается в виде процентного или долевого отчисления от произведенных в хозяйстве продуктов, исходя из учета урожая, числа едоков в хозяйстве и фактического наличия скота в нем.

4. Налог должен иметь прогрессивный характер; процентные отчисления для хозяйств середняков и маломощных хозяев, для хозяйств городских рабочих и т. п. должен быть пониженным.

Хозяйства беднейших крестьян могут быть освобождаемы от некоторых, в исключительных случаях и от всех видов, натурального налога.

Старательные хозяева крестьяне, увеличивающие площади засева в своих хозяйствах, а равно увеличивающие производительность хозяйства в целом, получают льготы по выполнению натурального налога либо в порядке понижения ставок налога, либо в порядке частичного освобождения от налога.

5. Закон о налоге должен быть составлен таким образом и опубликован в такой срок, чтобы земледельцы еще до начала весенних работ были возможно более точно осведомлены о размерах падающих на них обязательств.

6. Сдача государству, причитающихся по налогу продуктов заканчивается в определенные точно установленные законом сроки.

7. Сумма причитающихся к сдаче по налогу продуктов исчисляется по сельским объединениям (обществам), в пределах сельского объединения налог раскладывается между хозяевами по их решению согласно общим нормам, предусмотренным § 3.

Для контроля за применением норм налога и взиманием последнего образуются выборные организации местных крестьян по группам плательщиков разных размеров налога.

8. Все запасы продовольствия сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении и могут быть использованы ими для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельско-хозяйственного производства. Обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота.

9. В целях снабжения беднейшего населения и обмена на излишки продовольствия, фуража и сырья, добровольно сдаваемого населением государству по выполнении причитающегося с него налога, создается специальный фонд предметов сельскохозяйственного инвентаря и предметов широкого потребления. Этот фонд создается из продуктов внутреннего производства и тех предметов, на приобретение которых за границей выделяется часть государственного золотого фонда и часть заготовленного сырья.

Резолюция X съезда.

Съезд одобряет в основном внесенное Ц. К. положение о замене разверстки натуральным налогом, поручает Ц. К. партии в скорейшем порядке согласовать эти положения, детально разработать формы проведения налога в жизнь и провести соответствующий закон через В. Ц. И. К. и С. Н. К.

Резолюция X съезда о кооперации.

В виду того, что резолюция 9-го съезда РКП. об отношении к кооперации вся построена на признании принципа разверстки, которая теперь заменяется натуральным налогом, X съезд РКП. постановляет:

Указанную резолюцию отменить.

Съезд поручает Ц. К. выработать и провести в партийном и советском порядке постановления, которые бы улучшали и разви-

вали строение и деятельность кооперативов, в согласии с программой РКП. и применительно к замене разверстки натуральным налогом.

Заключительная речь тов! Ленина по докладу о продналоге.

Товарищи, я хотел бы с самого начала сказать несколько слов по вопросу о кооперации. Доклад т. Цюрупы, как он сам заявил и как мы все слышали здесь, не был содокладом в смысле противопоставления докладчиком принципиально иной точки зрения. Решение Ц. К. о замене разверстки налогом было настолько единодушно, а главное, мы сразу увидели еще до открытия работ съезда, что на местах различные товарищи независимо от этого, на основании указаний практического опыта, пришли к тем же выводам, что сомневаться в целесообразности и необходимости такой меры по существу нет возможности. И доклад т. Цюрупы сводился к тем дополнениям и предостережениям по ряду вопросов, но не заключал в себе предложения иной политики.

Отступлением от этой общей линии в докладе т. Цюрупы был лишь вопрос о кооперации. Здесь т. Цюрупа возражал против предлагаемой мной резолюции, но мне кажется, что его возражения нельзя признать убедительными. Каким образом будут развиваться отношения местного свободного хозяйственного оборота—через кооперацию, или путем воссоздания мелкой частной торговли,—мы едва ли можем сейчас окончательно установить. Этот вопрос рассмотреть надо,—это несомненно,—и в этом отношении нам предстоит внимательно присмотреться к местному опыту; с этим, конечно, мы все согласимся. Я думаю, однако, что известное преимущество кооперации остается. Если она политически, как я уже указывал, служит местом организации, централизации, объединения элементов, политически враждебных как проводящих по сути дела колчаковскую и деникинскую политику, то, конечно, кооперация по сравнению с мелкими хозяйствами, с мелкой торговлей изменяет только форму дела. Разумеется, что всякое выделение кулачества, развитие мелко-буржуазных отношений порождает соответствующие политические партии, которые в России слагались десятилетиями и которые нам хорошо известны. Здесь надо выбирать не между тем—давать ли ход этим партиям (они неизбежно рождаются мелко-буржуазными экономическими отношениями), а нам надо выбирать и то лишь в известной степени только лишь между формами концентрации, объединения, и действий этих партий. Никак нельзя доказать, чтобы кооперация в этом отношении была хуже. Никаких средств систематического воздействия и контроля

по отношению к кооперации будет у коммунистов все-таки несколько больше.

Резолюция 9-го съезда о кооперации встретила здесь решительную защиту тов. Цурюпы и решительное возражение тов. Милютина.

Тов. Цурюпа говорит между прочим, что я сам был свидетелем той борьбы, которая шла по вопросу о кооперации до разрешения его съездом. Факт этот я должен подтвердить. Действительно, борьба была и резолюция 9-го съезда ей положила конец в направлении обеспечения большого перевеса или, вернее сказать, полнейшего перевеса за ведомством продовольствия. Но отказываться теперь от свободы действий и свободы выбора политических мер в отношении кооперации из за этого соображения было бы не целесообразно, политически не правильно. Мне конечно гораздо неприятнее, скажем с точки зрения председателя Совнаркома быть обреченным на десятки заседаний наблюдать мелкую борьбу, чем иметь позади обязательную для всех резолюцию съезда, которая кладет конец этой борьбе. Но надо считаться не с такого рода удобствами, а с интересами проведения определенной экономической политики. Вы все видели здесь большое количество записок, которые я получил—гора записок: они подтвердили еще более наглядно, что в этом конкретном вопросе детальных трудностей при проведении этого изменения нашей политики возникает масса. В этом суть дела.

И нет никакого сомнения, что мы сразу разрешить их не сможем. Но если оставим резолюцию 9-го Съезда о кооперации, то мы свяжем себе руки. Мы поставим себя в такое положение, что, будучи целиком подотчетны Съезду и обязаны проводить его политику, мы отступать от буквы этой резолюции не сможем. Резолюция постоянно напоминает про разверстку, а вы заменяете ее налогом. Мы должны оставить до некоторой степени свободу хозяйственного оборота,—это несомненно. Экономические условия этого надо учесть и проверить. Поэтому, конечно, отмена резолюции 9-го Съезда снова приводит нас в такое положение, что вопрос, как бы закрытый, до известной степени превращается в открытый. Но это совершенно неизбежно. Обойти его—значит, испортить в основе намеченные нами изменения экономической политики, несомненно, более приемлемые для крестьян.

Что замена разверстки налогом есть экономическая политика, более приемлемая для крестьян, на этот счет, повидимому, нет двух мнений на данном Съезде, и нет вообще двух мнений среди коммунистов. Об этом же целый ряд заявлений мы имеем и от беспартийного крестьянства. Это совершенно установлено. Ради уже одного этого нам следует пойти на такую перемену. Поэтому я резолюцию по кооперации еще раз оглашаю: „В виду того, что

резолюция 9-го Съезда Р. К. П. об отношении к кооперации вся построена на признании принципа разверстки, которая теперь заменяется налогом, X-й Съезд РКП постановляет: указанную резолюцию отменить. Съезд поручает ЦК. выработать и провести в партийном и советском порядке постановления, которые бы улучшали и развивали строение и деятельность кооперативов в согласии с программой РКП и применительно к замене разверстки натуральным налогом“.

Я буду предлагать Съезду от имени ЦК принять первую резолюцию—предварительный проект о замене разверстки налогом,— одобрить ее в основном и поручить ЦК. партии согласовать, разработать и внести в ВЦИК, а также и вторую резолюцию о кооперативах.

Теперь я перехожу к замечаниям, которые здесь были сделаны. Надо сказать, что вопросов, по запискам, которые мною были получены, такая масса, что я не только не могу перечислить те вопросы, которые они затрагивают, но вынужден совершенно отказаться от задачи сгруппировать их все полностью так, чтобы нам можно было по поводу их сейчас еще беседу продолжить. Я могу выделить сейчас не только два основных речья и сказать несколько слов о двух основных возражениях или замечаниях, о двух основных типах или группах вопросов, которые в этих записках подняты.

Первое—это указание на технику. Целый ряд многочисленных и детальных указаний на то, как трудно будет, и как много нерешенных вопросов возникает при конкретном проведении этих мероприятий в жизнь. Я уже в первом своем докладе оговорился, что такого рода указания совершенно неизбежны, и что сейчас узнать сразу, как именно к решению этих трудностей мы приступим, нет никакой возможности.

Второе—общее указание сводится уже к основам экономической политики. И то, о чем здесь многие, и даже большинство не высказавшихся ораторов уже говорили в своих речах и на что указывается в поданных записках—это неизбежное усиление мелкой буржуазии и капитализма. Вы, таким образом, открываете—писали некоторые в своих записках,—двери для буржуазии, мелкой промышленности и для развития капиталистических отношений. По этому поводу я должен сказать, товарищи, повторяя в известной степени то, что говорил в первом своем докладе, нет никакого сомнения, что переход от капитализма к социализму мыслим в различных формах, в зависимости от того, имеем ли мы в стране уже преобладание крупных капиталистических отношений, или в ней преобладает мелкое хозяйство. И с этой стороны я должен заметить, что никем из ораторов ни в одной записке (я все же прочел большинство их, а их было несколько десятков) не критиковались эти положения.

Если бы мы имели государство, в котором преобладает крупная промышленность, или же, скажем даже, не преобладает, но очень сильно развита, и очень развито крупное производство в земледелии, тогда прямой переход к коммунизму возможен. Без этого переход к коммунизму невозможен экономически. Товарищ Милютин говорил здесь о том, что у нас была стройная система, и что наше законодательство представляет из себя, как он выразился, до известной степени стройную систему подобного перехода, но которая не учитывала необходимости ряда уступок мелкой буржуазии. Говоря это, товарищ Милютин сделал не тот вывод, который я делаю. Та стройная система, которая создавалась, диктовалась потребностями, соображениями и условиями военными, а не экономическими. В тех условиях неслыханного разорения, в которых мы находились, когда мы после большой войны должны были вынести ряд гражданских войн, другого выхода не было. Пожалуй, при применении определенной политики ошибки были, был целый ряд преувеличений,—это совершенно определенно надо сказать. Но в основе, и тех условиях войны, в которые мы были поставлены, эта политика была правильна. Мы не имели никакой другой возможности, кроме максимального применения немедленной монополии вплоть до взятия всех излишков, хотя бы без всякой компенсации. И иначе к этой задаче мы приступить не могли. Это не означало стройной экономической системы. Это была мера, вызванная условиями не экономическими, а предписанная нам в значительной степени условиями военными. Что же касается соображений экономических, то здесь основное соображение сейчас,—это увеличить количество продуктов. Мы находимся в условиях такого обнищания, разорения, переутомления и истощения главных производительных сил—крестьян и рабочих, что этому основному соображению—во что бы то ни стало увеличить количество продуктов—приходится на время подчинить все.

Меня спрашивают: в каком отношении стоит замена разверстки налогом с той посевной компанией, которая ведется сейчас, и товарищи в записках стараются вскрыть ряд противоречий. Я думаю, что в основном здесь имеется экономическая согласованность, а не противоречие. Посевная кампания рассчитана на ряд мер, которые максимально использовали бы все экономические возможности, чтобы увеличить количество засева. Для этого нужно перераспределить семена, охранить их, перевезти. Но мы, имея даже такой скудный запас семенного фонда, не можем его перевезти; сплошь и рядом приходится прибегать к целому ряду мер взаимопомощи, чтобы при поразительном недостатке инвентаря, уменьшить недосев, чтобы его устранить. Об этом для целого ряда губерний не приходится думать. Если беспартийный крестьянин в очень многих случаях, сам уже выставивший требование замены

разверстки налогом, получая в этом стимул развития своего хозяйства на данной экономической основе, если он до весенней кампании имеет заявление со стороны государственной власти, что эта мера решена и будет проводиться,—идет ли это вразрез с общей политикой посевной кампании? Нет, не идет. Это есть мера, которая вносит элемент поощрения. Что пароходы с углем, с небольшим количеством продовольствия выходят из Англии, это мы знаем, знаем, что до заключения торгового договора, который еще не подписан, идет торговля с отдельными торговцами, которым правительство, конечно, запретить этого не может. Прорывать брешь в том кольце экономической блокады, которым мы окружены—дело трудное, и обещать чего бы то ни было широкого, мы, конечно, не можем. Во всяком случае, то, что может быть сделано мы делаем, изменение импортного плана в этом отношении мы производим.

С точки зрения мелкого земледельца, налог, который будет определен в сумме меньшей, чем разверстка, который будет определен с большей точностью и который даст ему возможность больше засеять, даст ему возможность быть уверенным, что излишки пойдут на улучшение хозяйства,—это есть линия максимальной поддержки старательного хозяина, что было выдвинуто и в посевной кампании. Все возражения в конце-концов сводятся к такому вопросу—выиграет ли больше мелкая буржуазия, экономически враждебная коммунизму, или выиграет больше крупная промышленность, которая представляет из себя основу перехода к социализму и которая с точки зрения состояния производительных сил, т.-е. по основному критерию всего общественного развития, представляет основу социалистической хозяйственной организации, объединяя передовых промышленных рабочих, класс, осуществляющий диктатуру пролетариата.

Здесь некоторые пытались сказать, или экономически вывести, что, несомненно, больше выиграет мелкая буржуазия, кустарное, товарное производство, и особенно пытались обосновать это с точки зрения того, что именно крупная промышленность будет не социалистическая, что при помощи концессии будет осуществлен блок с государственными капиталистами.

Я думаю, что в этих рассуждениях есть основная экономическая неправильность. Если бы даже было совершенно точно доказано, что гораздо больше выиграет пропорционально, даже допустим абсолютно, мелкая промышленность, это несколько не опровергает ни теоретически, ни практически правильности предприняемых нами шагов. Выгод таков, что иной опоры для укрепления экономически всего нашего дела по строительству социализма быть не может. Допустим сейчас, чисто примерно,—я беру это. наглядно, для пояснения,—что мелкая промышленность выражается

величиной 100 (будет ли это 100 миллионов трудовых единиц или 100 единиц каких-либо других,—это все равно), а крупная—цифрой 200. Примерно допустим, что мелкая вырастет на основе капиталистической на величину 175, а крупная останется только 200. Предположим застой крупной и громадное развитие мелкой. Я думаю, даже это худшее предположение, которое я делаю, означало бы для нас несомненную выгоду.

Перейдем к концессиям. Надо природу концессий представлять себе ясно. Это экономический договор с передовым финансовым капиталом в передовых странах, договор, который нам даст небольшое увеличение продуктов, но и увеличение продуктов для контрагентов. Если мы дадим руду или лес концессионеру, он возьмет громадную долю этого продукта и нам даст небольшое доленое отчисление. Но для нас важно увеличить количество продуктов вообще, поэтому и небольшое отчисление есть все же плюс для нас.

Итак, бояться того, что поднимется мелкое земледелие и мелкая промышленность в размерах, которые могли бы оказаться опасными для нашей крупной промышленности, неосновательно.

Если у нас будет неурожай (я вам уже указывал на брошюру Попова), если мы получим неурожай и такие же скудные средства, как и в прошлом году, то ни о каком уменьшении кризиса и о развитии мелкой промышленности не может быть и речи. Вопрос в том, выиграет ли больше мелкое или крупное производство, есть вопрос о соединении и сочетании того использования нашего фонда и развития рынка, которого мы достигаем соглашением с капитализмом в связи с концессиями и это даст нам увеличение сельскохозяйственного производства. Кто из нас использует эти средства лучше, от этого зависят и результаты. Я думаю, что рабочий класс, имея в своих руках важнейшие отрасли крупной промышленности, если он сосредоточит внимание на наиболее важных из них, выиграет больше, чем выиграет мелкая промышленность, хотя бы пропорционально она и выросла быстрее. У нас положение в текстильной промышленности было таково, что к концу 20-го года замечалось несомненное улучшение, но не хватило топлива, а если бы топлива у нас было достаточно, то мы получили бы до 800.000.000 аршин тканей и мы имели бы для обмена на крестьянские продукты материалы собственного производства.

Но с кризисом топлива мы имеем гигантское падение производства. Если теперь реализуется закупка угля за границей и мы через неделю или через две получим пароходы с этим грузом, мы все равно, уже потеряли несколько недель или даже месяцев.

Всякое улучшение положения крупного производства, возможность пустить некоторые крупные фабрики—настолько упрочивает положение пролетариата, что бояться стихии мелкой буржуазии,

даже возрастающей, нечего. Не того надо бояться, что мелкая буржуазия и мелкий капитал вырастают. Надо бояться того, что слишком долго продолжается состояние нужды, недостатка продуктов, из которого вытекает уже обессиление пролетариата, невозможность для него противостоять стихии мелкобуржуазных колебаний. При увеличении продуктов никакое развитие мелкой буржуазии не будет большим минусом, поскольку это даст развитие крупной промышленности, и мы должны поощрять мелкое сельское хозяйство. Все, что мы можем сделать для его поощрения, мы обязаны сделать. Налог—одна из скромных мер в этом отношении, но мер несомненных, которая это поощрение даст и которую принять безусловно следует.

Заккрытие съезда.

Товарищи, мы закончили работы партийного съезда, который собрался в момент чрезвычайно важный для судеб нашей революции. Окончание гражданской войны после стольких лет империалистической войны настолько истерзало и запутало страну, что оживление эго происходит сейчас в условиях необыкновенно трудных. Поэтому мы не можем удивляться тому, что элементы распада или разложения, мелкобуржуазная и анархическая стихия, поднимают свою голову. Ведь одним из основных условий для этого является крайнее, невиданное и неслыханное обострение нужды масс, не видящих выхода из тяжелого положения. Но мы знаем, товарищи, что страна переживала гораздо более тяжелые моменты. Нисколько не закрывая глаз на опасность, ни капельки ни впадая в какой-либо оптимизм, говоря прямо себе и своим товарищам, что эта опасность велика, мы в то же время твердо и уверенно рассчитываем на сплоченность авангарда пролетариата. Мы знаем, что другой силы, которая в состоянии объединить миллионы распыленных, мелких земледельцев, сплош и рядом переживающих неслыханные тяготы, которая бы экономически и политически была способна объединить их против эксплуататоров, другой силы, кроме сознательного пролетариата, нет. Мы уверены, что из опыта борьбы, из тяжелого опыта революции эта сила вышла достаточно закаленной, чтобы всем тяжелым испытаниям и новым трудностям противостоять.

Товарищи, кроме решений, принятых в этом духе, исключительную важность имеет решение нашего съезда по вопросу об отношении к крестьянству. Мы здесь самым трезвым образом учитываем отношения классов и не боимся признать открыто, что имеем дело с задачей труднейшей—о правильном установлении

отношений пролетариата к преобладающему крестьянству, при условии, что нормальных отношений мы сейчас достигнуть не можем. Нормальные отношения таковы, и только таковы, чтобы пролетариат держал в своих руках крупную промышленность, с ее продуктами, и не только полностью удовлетворял крестьянство, но, давая ему средства к жизни, так бы облегчил его положение чтобы разница, по сравнению со строем капиталистическим была бы очевидна и ощутительна. Это, и только это, создает базу нормального социалистического общества. Мы не можем сейчас этого сделать—настолько придавили нас разорение, нужда, обнищание. Но чтобы легче это проклятое наследие изжить, мы, несмотря на установившиеся за время отчаянно тяжелой войны отношения, реагируем на них определенным образом. Мы не будем скрывать, что крестьянство имеет глубочайшее основание к недовольству. Мы пойдем на более обстоятельные объяснения и скажем, что мы делаем все, что в наших силах, чтобы это положение уничтожить, что бы больше считаться с условиями жизни мелкого хозяина. Мы постараемся сделать все, что нужно, чтобы больше дать мелкому земледельцу, чтобы дать ему условия для более прочного хозяйничанья. Мы не боимся, что это мероприятие разовьет тенденции, враждебные коммунизму—а это, несомненно, будет. Вот, товарищи, в каком духе трезвого учета этих отношений мы заявляем о готовности нашей пересмотреть политику и видоизменить даже ее, ибо мы в первый раз в истории, в течение нескольких лет, предприняли дело создания основ социалистического общества, основ пролетарского государства. Я думаю, что в этом отношении работа нашего съезда, тем более, будет успешна, что абсолютное единство у нас было достигнуто с самого начала по 2 коренным вопросам, разрешенным единодушно: по вопросу об отношении авангарда пролетариата к его массе и об отношении его к крестьянству. В этом мы проявили больше, чем когда либо, единства, несмотря на то, что нам приходится голосовать в условиях политических, которые весьма тяжелы.

Нам, тем более, неуместно проявлять панику, что сейчас неслыханно нервную историческую кампанию против нас повел всемирный капитализм. Я вчера получил, по соглашению с тов. Чичериным, сводку по этому вопросу и думаю, что она будет всем полезна. Это сводка по вопросу о кампании лжи, по поводу внутреннего положения России.

Никогда, ни в какое время не было в западной печати такой вакханалии лжи и такого массового производства фантастических измышлений о Советской России, как за последние две недели. С начала марта ежедневно вся западная печать публикует целые потоки фантастических известий о восстаниях в России, о победе контр-революции, о бегстве Ленина и Троцкого в Крым, о белом

флаге на Кремле, о потоках крови на улицах Петрограда и Москвы, о баррикадах там же, о густых толпах рабочих, спускающихся с холмов на Москву для свержения Советской власти, о переходе Буденного на сторону бунтовщиков, о победе контр-революции в целом ряде русских городов, при чем фигурирует то один, то другой город, и в общем были перечислены чуть не большинство губернских городов России. Универсальность и планомерность этой кампании показывает, что в этом проявляется какой-то широко задуманный план всех руководящих правительств, 2 марта Форейн-Оффис (английское министерство иностр. дел) через посредство Пресс-Ассоциации заявил, что считает публикуемые известия правдоподобными, а сейчас же после этого Форейн-Оффис от себя опубликовал известие о восстании в Петрограде, о бомбардировке Петрограда Кронштадтским флотом и о боях на улицах Москвы.

2 марта все английские газеты опубликовали телеграммы о восстаниях в Петрограде и Москве; Ленин и Троцкий бежали в Крым, 14,000 рабочих в Москве требуют учредилки, московский арсенал и Московско-Курский вокзал в руках восставших рабочих, в Петрограде Васильевский Остров целиком в руках восставших.

Приведу несколько примеров из радио и телеграмм следующих дней; 3 марта т. Клышко телеграфирует из Лондона, что Рейтер подхватил нелепые слухи о восстании в Питере и усиленно их распространяет.

6 марта: берлинский корреспондент Мейсон телеграфирует в Нью-Йорк, что рабочие из Америки играют важную роль в петроградской революции, и Чичерин послал по радио приказ генералу Ганецкому о том, чтобы закрыть границу эмигрантам из Америки.

6 марта: Зиновьев бежал в Ораниенбаум. В Москве красная артиллерия обстреливает рабочие кварталы. Петроград отрезан со всех сторон (радио Виганда).

7-го марта. Клышко телеграфирует, что по сведениям из Ревеля баррикады построены на улицах Москвы; газеты публикуют из Гельсингфорса, что Чернигов взят антибольшевистскими войсками.

7-го марта. И Петроград и Москва в руках восставших. Восстание в Одессе. Семенов во главе 25.000 казаков двигается по Сибири. Революционный комитет в Петрограде имеет под своей властью фортификации и флот (сообщения английской радио-станции Полдью).

Науэн, 7-го марта. Фабричные кварталы Петрограда восстали. Антибольшевистское восстание охватило Волынь.

Париж, 7-го марта. Петроград в руках Революционного Комитета, „Тан“ сообщает, что по полученным в Лондоне известиям белый флаг веет на Кремле.

Париж, 8-го марта. Мятеежники овладели Красной Горкой. Красноармейские полки взбунтовались в Псковской губернии. Большевики посылают башкир на Петроград.

10-го марта. Клышко телеграфирует: газеты спрашивают себя, пал ли Петроград или не пал; по известиям из Гельсингфорса три четверти Петрограда в руках бунтовщиков; Троцкий, или по другим Зиновьев, командует операциями в Тосне или же в Петропавловской крепости; по другим—главнокомандующим назначен Брусиллов; по сведениям из Риги, Петроград взят 9-го за исключением железнодорожных вокзалов, Красная армия отступила в Гатчину; петроградские стачечники выставляют лозунг: „Долой советы и коммунистов“. Английское военное министерство заявило, что еще неизвестно, соединились ли кронштадские бунтовщики с петроградскими, по его сведениям Зиновьев находится в Петропавловской крепости, где командует советскими войсками.

Из громадного количества измышлений этого времени выбираю примеры: Саратов превратился в самостоятельную антибольшевистскую республику (Науэн, 11-го марта). В приволжских городах жестокие погромы против коммунистов (там же). В Минской губернии борьба белорусских военных отрядов против красной армии (там же).

Париж, 15-го марта. „Тан“ сообщает, что кубанские и донские казаки восстали большими массами.

Науэн, 14 марта, сообщил, что кавалерия Буденного присоединилась к бунтовщикам около Орла. В разное время сообщалось о восстаниях в Пскове, Одессе и других городах.

9-го марта Красин телеграфирует, что Вашингтонский корреспондент „Таймса“ говорит, что советский режим близится к концу и поэтому Америка отсрочит установление сношений с окраинными государствами. В разное время попадались известия из американских банковских сфер о том, что при данных условиях торговать с Россией было бы азартной игрой.

Нью-Йоркский корреспондент „Дейли Кроникл“ говорит еще 4 марта, что деловые круги и республиканская партия в Америке считают торговые сношения с Россией в настоящее время азартной игрой.

Несомненно, кампания лжи имеет в виду не только Америку, но и турецкую делегацию в Лондоне, и силезский плебисцит. Есть сведения, что эта кампания повлияла на исход выборов во втором парижском округе.

Товарищи, картина совершенно ясна. Всемирный синдикат прессы—там свобода прессы, состоящая в том, что она куплена на 90% финансовыми магнатами, которые ворочают сотнями миллионов рублей,—открыл всемирный поход империалистов, с целью сорвать, прежде всего, наши торговые сношения с Англией, кото-

рые Красин начал, и предстоящее торговое соглашение с Америкой. Это показывает, что враги, окружающие нас, потеряв возможность провести интервенцию, рассчитывают на мятеж. И кронштадтские события показали связь с международной буржуазией, а, кроме того, мы видим, что больше всего они боятся сейчас, с практической точки зрения международного капитала, правильного восстановления торговых сношений. Но сорвать их им не удастся. У нас здесь есть в Москве представители крупного капитала, которые во всех этих слухах изверились, и они заявили о том, как в Америке одна группа граждан употребила невиданный прием агитации за Советскую Россию. Эта группа собрала из газет, самых разнообразных, за несколько месяцев все то, что говорили про Россию, про бегство Ленина и Троцкого, про расстрел Троцким Ленина и обратно, и выписала все это в виде одной брошюры. Лучшей агитации для Советской власти нельзя себе представить. Современная американская буржуазная пресса подорвала к себе доверие полностью. Вот тот враг, которому служат два миллиона русских иммигрантов за границей из среды помещиков и капиталистов, вот та армия буржуазии, которая стоит против нас. И пускай они делают попытки подорвать практический успех Советской власти и сорвать торговые сношения. Мы знаем, что им это сделать не удастся. И вся эта информация международной буржуазии, той, которая держит в руках сотни тысяч газет и информирует весь мир, еще раз показывает, до какой степени мы врагами окружены, и до какой степени эти враги, по сравнению с прошлым годом, обессилены. И это мы должны понять, товарищи, и я думаю, что большинство присутствующих членов съезда поняли то, какую меру нам надо отвести нашим разногласиям. Естественно, что в съездовской борьбе меры этой не всегда можно было соблюсти. Нельзя требовать от людей, которые только что вели борьбу, чтобы они тут же поняли эту меру. Но когда мы взглянем на нашу партию, как на очаг мировой революции, и на ту кампанию, которую ведет сейчас синдикат государств всего мира против нас, у нас не должно быть сомнения. Пускай они ведут свою кампанию, мы бросим взрыв на нее и точно знаем меру наших разногласий, и мы знаем, что, сплотившись на этом съезде, мы, действительно, выйдем из наших разногласий абсолютно едиными и с партией, более закаленной, которая пойдет к более и более решительным победам.

Центральная Государственная Типография.